

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

На тему: Сопоставительный анализ речевого имиджа Д.Трампа и
В.В.Путина в лингвополитическом контексте.

Исполнитель: Эрназаров Ильясбек Тайирович

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель: доктор филологических наук, профессор

(ученая степень, ученое звание)

Харченкова Людмила Ивановна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«10» декабря 2020г.

Санкт-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретические предпосылки изучения речевого имиджа политического деятеля.....	8
1.1. Общие подходы к изучению языковой личности	8
1.2.Соотнесенность понятий «языковая личность», «речевой портрет», «речевого имидж».....	21
1.3. Речевое имиджирование в политической лингвистике	260
1.4. Модель описания речевого портрета политика	42
Выводы по главе I	480
Глава 2. Речевого имидж Д.Трампа и В.В.Путина в лингвополитическом ракурсе	53
2.1. Лингвокогнитивный аспект анализа речевого имиджа	53
2.2. Коммуникативный аспект анализа речевого имиджа.....	5661
2.3. Индивидуально-речевой аспект анализа имиджа	67
Выводы по второй главе	75
Заключение	77
Список использованной литературы.....	7980
Приложения	Error! Bookmark not defined.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем обстоятельством, что в современной лингвистике в настоящее время присутствует тенденция изучения человеческой культуры через изучение языка. Именно язык рассматривается в современных исследованиях как способа интерпретации культуры.

Лингвистические исследования последних десятилетий характеризуются антропоцентричностью, что предполагает изучение языка в тесной взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением, культурой. Изыскания последних лет определенно свидетельствуют о том, что человек и его языковое представление занимают центральное место в антропологической лингвистике (А.А. Уфимцева, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Н.С. Терехова и др.).

Согласимся с мнением Л. Ельмыслева, который полагает, что язык «может открыть дорогу, как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений» [Цит. по Караулов, с. 131]. Именно язык становится средством постижения тайн культуры. Язык, функционируя в культуре, невольно оказывается втянутым в поле фразеологической реальности, отражающей ценностных ориентаций того или иного народа.

В настоящем исследовании нам было определено, что базовые термины лингвополитологии - «языковая личность», «речевой портрет», «речевой имидж» - взаимосвязаны. Соотношение указанных понятий заключается во взаимообусловленности речи и языка, по которым мы можем не просто составить первое впечатление о человеке, а полностью и качественно его охарактеризовать.

Вместе с тем, в современной лингвокультурологической концепции в качестве важнейшего инструмента все чаще рассматриваются вопросы формирования речевого портрета. Во время диалога или монолога очень

важно, что именно и как говорит человек. Тем более важна речь политика, государственного деятеля. Являясь ярким носителем национальных культурных ценностей, а также особых правил речевого поведения, важным и значимым становится знакомство с языковой личностью политического деятеля.

Таким образом, смена научной парадигмы в языкознании во второй половине XX века приводит к актуализации вопроса связи человека и языка.

Степень разработанности проблемы.

Можно без преувеличения сказать, что проблема изучения языковой личности с проекцией на речевое портретирование и речевое имиджирование достаточно долго не имела самостоятельного научного статуса в трудах ученых, прямо или косвенно отражающих широкий спектр вопросов, связанных с различными проявлениями бытования языка.

В отечественной лингвистике изучение феномена языковой личности связывают в первую очередь с именами В. В. Виноградова и Ю.Н. Караулова. В.В.Виноградов был первым, кто ввел термин «языковая личность» в научный оборот, применив его в анализе образов автора и адресата в различных типах текстов [Виноградов, с. 34]. В трудах Ю. Н. Караулова проблема языковой личности получила фундаментальное теоретическое обоснование [Караулов, с. 45]. Именно его концепция языковой личности становится базовой для последующих поколений исследователей (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. П. Нерознак и др.).

Ряд авторов (Г.А. Золотова, Н.К.Онипенко, М.Ю.Сидорова) представляют новую «Коммуникативную грамматику русского языка», где язык переосмысливается через призму русской культуры. Е.В. Падучева, Е.А. Попова занимаются исследованиями в области лингвистики нарратива, беря за основу произведения русских писателей. Н.Д. Арутюнова, Н.А. Козинцева и др. изучают проблему чужой речи на материале русского языка. А. Вежбицкая занимается семантическими исследованиями в русской культурно-языковой картине мира. И.А. Стернин в книге «Введение в

речевое воздействие» обстоятельно описывает особенности русского коммуникативного поведения. Ю.Н. Караулов, Вл. Воробьев занимаются исследованиями русской языковой личности. Исследователи в области антропологии, философии и филологической герменевтики выделяют следующие черты русской языковой личности, определяющие связь языка с национальным характером.

Обращение к этой теме в настоящем исследовании было обусловлено несколькими причинами, главная из которых заключается в том, что в работах, посвященных теоретическим и практическим вопросам анализа речи того или иного общественного деятеля, нет единого мнения по поводу их значения в разных языках.

Данная работа представляет собой опыт классификации многочисленных подходов к трактовке этой проблемы, получивших развитие в отечественной и зарубежной лингвистике.

Объект исследования: изучение языковой личности и речевого имиджирования как направлений современной лингвополитологии.

Предмет исследования: речевой имидж Д.Трампа и В.Путина в лингвополитическом контексте.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе изучения, критического анализа, обобщения, методологического и теоретического осмысления современного состояния проблемы языковой личности составить целостное представление о семантическом осмыслении и структурной организации речевого имиджа двух политиков.

Задачи исследования:

- проанализировать современные теории понимания сути феноменов «языковая личность», «речевой портрет», «речевой имидж политика»;
- проследить, в какой степени использование исследуемых языковых единиц отражает речевой темперамент говорящего, в какой степени тезаурус говорящего отражает уровень компетентности языковой личности;

- выявить различные способы изучения феномена речевого имиджа политика;

- проанализировать особенности речевого имиджа Д.Трампа и В.В.Путина.

Методы исследования включали: анализ и обобщение научной литературы; синтез, дедукцию, индукцию, сопоставительно-функциональный метод, текстуальный анализ, семиотический метод, системно-структурный метод, описательный метод, изучение текстов, принадлежащих Д.Трампу и В.В.Путину.

Теоретико-методологическую основу работы составили

- теория изучения языка как важнейшего феномена культуры (Ю.В. Борев, В.В.Колесов, Ю.С.Степанов, Г.Яковлев и др.);

- теории постижения основных символов культуры через языковые традиции и образы (Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев);

- теории изучения языковой личности (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, С. Г. Воркачев, В. П. Нерознак и др.);

- теории изучения речевого портрета и речевого имиджа личности (Т. М. Николаева, Л. П. Крысин, С. В. Леорда, М. А. Гордеева, М.М. Айбазовой, Е.Н.Давыборец, Е.В.Осетровой);

- теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), дескрипторная теория метафоры (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов), когнитивное изучение метафоры в школе политической лингвистики (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев) и другие направления современной метафорологии, в основе которых лежит представление о метафоре как об особом механизме речемыслительной деятельности.

Теоретическая значимость: исследование и использование всего пласта литературы по теме с акцентом на публикации последних лет.

Теоретическая значимость определяется созданием и использованием алгоритма описания речевого портрета конкретного политика, изучением

речеповеденческого и когнитивного, а также индивидуально-речевого варьирования в зависимости от социальной роли языковой личности.

Настоящее исследование вносит вклад при решении теоретических проблем лингвопортретирования, специфики русского политического дискурса, выявления статуса языковой личности политического деятеля.

Практическая значимость: материалы, полученные в ходе исследования, могут быть включены в соответствующие курсы истории отечественной лингвистики, дисциплин, связанных с непосредственным изучением персональной лингвистики. Результаты исследования могут быть использованы при разработке специальных курсов и семинаров.

Структура: введение, две главы, заключение, список литературы и приложения составили содержание работы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

1.1. ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Появление термина «языковая личность» в современной лингвистике – это результат развития лингвистической парадигмы на протяжении веков. Понимание языка как пространства мысли и дома духа предполагает обращение взгляда исследователя к речи отдельного индивида.

В психологии личность понимается как относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, возникающих в процессе деятельности индивида и включающих взаимодействие биологических побуждений, социального и физического окружения условий.

В повседневном понимании, говоря о личности, мы имеем в виду стиль жизни индивида или характерный способ реагирования на жизненные проблемы. Применительно к проблематике исследования – это вопросы того, как человек перевыражает себя в языке, реагируя на различные ситуации в его/ее жизнедеятельности. На первый план в таком случае выдвигаются экспрессивно-эмоциональные характеристики индивида, а не вопросы, входящие в сферу изучения когнитологии, науки о познании мира.

Необходимо, однако, уточнить, что в самом широком смысле речь идет о языковой компетентности личности, поэтому в сферу исследования должно включить и интеллектуальную деятельность человека, и его эмоциональные характеристики, выражаемые словесно, и волевые качества, и анализ социально поведенческого контекста. Отсюда – принципиальный вопрос об уровнях языковой компетентности.

Термин «языковая личность» довольно широко используется современными исследователями, но по сей день не существует единства мнений в его понимании. Различия в трактовке данного термина довольно

велики – «от субъекта, индивида, автора текста, носителя языка и даже просто информанта (пассивного или активного) до языковой картины мира и знаний о мире, знаний языка и знаний о языке, вплоть до языкового сознания, (национального) самосознания, менталитета народа» [Караулов, с. 54].

Таким образом, исследование проблемы познания человеком самого себя и окружающего его мира началось с установлением антропоцентрической парадигмы в языкознании. Особое внимание привлекала связь языка и человека. Поэтому было необходимо зафиксировать особым лингвистическим термином, который бы определял роль человека в языке и особенности функционирования языковых единиц в процессе деятельности человека. Оптимальным понятием стал термин «языковая личность».

Одним из первых, кто предложил раздельное изучение процесса речепроизводства и восприятия был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он утверждал, что «развитие языка зависит как от условий индивидуального языкового мышления, так и от условий социального общения» [Бодуэн де Куртенэ, с. 53]. Кроме того, его идеи исследования проблемы индивидуального и коллективного в языке находят свое развитие в современной социолингвистике и психолингвистике, что подробнее будет изучено далее. Использование термина «языковая личность» в науке впервые было употреблено в работах И.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова в 30-е гг. XX в.

В своей книге «Родной язык и формирование духа» И.Л. Вайсгербер писал, что «язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности, наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу» [Вайсгербер, 2016: 81]. В.В.Виноградов употреблял данное понятие в рамках изучения художественной прозы: «языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения разных социально-языковых категорий» [Виноградов, 2014: 91].

Оба ученых не дают точного определения языковой личности, однако в использовании термина уже прослеживается его междисциплинарная связь с социолингвистикой, когнитивной лингвистикой и другими смежными науками. Само словосочетание «языковая личность» подразумевает под собой изучение языка, фактора человека в языке и изучение индивидуума с точки зрения психологии, изучение его социального статуса и реализации через язык.

Более активное изучение данного термина начинается в гуманитарных науках с 80-х годов, когда антропоцентрическая парадигма становится главенствующим ориентиром в описании языкового материала.

Основатель целостной научной концепции языковой личности в России Ю.Н. Караулов пишет: «Современное представление о языке как объекте языкознания покоится на четырех «китах», на четырех фундаментальных свойствах – исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [Караулов, 2017: 31].

Вслед за Ю.Н. Карауловым мы считаем, что «понятие языковой личности предполагает такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и отпечатленные в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа. Иными словами, описание языка в этом случае нацелено на представление человека в языке, а сам человек предстает как специфически систематизированный продукт языковой деятельности» [Караулов, 2017: с. 286].

Таким образом, под языковой личностью Ю.Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 2017: с. 3]. Исследуя текст через призму языковой личности, исследователь (вслед за В.В. Виноградовым) подчеркивает важность влияния национальной

культуры на автора любого текста: «Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности» [Караулов, 2017: с. 42]. При этом, по мнению Ю.Н. Караулова, писатель выступает не как индивидуальная языковая личность, а как множество говорящих и воспринимающих личностей. В настоящее время понятие «язык писателя» вбирает и отражает все уровни структуры языковых личностей. Поэтому здесь мы имеем дело с моделью языка вообще, языка какой-то эпохи, но не языка отдельного индивида.

Ю.Н. Караулов подробно и глубоко исследует такое лингвистическое явление, как языковая личность, а также рассматривает отличия «общерусского языкового типа» [Караулов, 2017: с. 137] в сравнении с другими национальными типами языковых личностей на фоне «лексико-грамматического фонда личности» [Там же].

Существовали и другие представления о значении языковой личности. Например, Г.И. Богин рассматривал языковую личность в рамках лингводидактической концепции. Он определял личность как человека, рассматриваемого с точки зрения его способностей производить речевые поступки и принимать произведения речи. Кроме того, Г.И. Богин отмечал, что «языковая личность, взятая в каждом отдельном случае, зависит не только от меры собственного развития, но и от используемого языка, и от множества типов речевых поступков и типов текстов (речевых произведений), которыми оперирует индивид» [Богин, 1984: 11].

Другими словами, Г.И. Богин делал акцент на оперировании языком и на производимых человеком речевых текстах. В соответствии с таким пониманием языковой личности, им была разработана лингводидактическая трехуровневая модель, которую мы представили на рисунке (рис. 1).

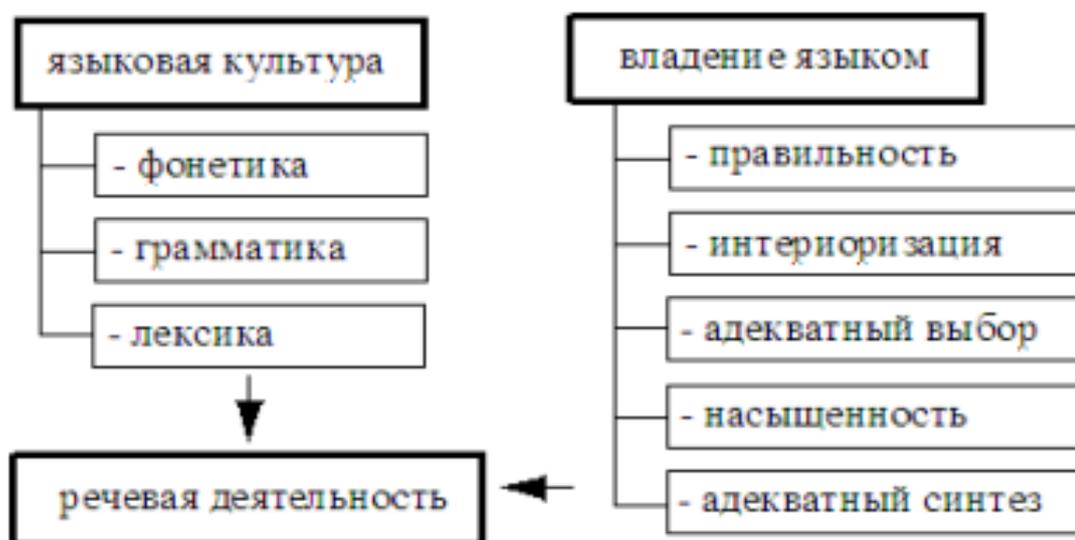

Рис. 1. Лингводидактическая трехуровневая модель Г.И. Богина

В данной модели правильность - это знание строевых особенностей языка. Интериоризация представляет собой реализацию высказывания в соответствии с планом речевого замысла. Адекватный выбор предполагает соотнесенность языковых средств с коммуникативной ситуацией. Насыщенность предполагает содержание выразительных средств языка. Адекватный синтез - это соотнесенность текста с коммуникативной задачей. Несколько позже он дал определение языковой личности, которая трактуется им как «носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности» [Богин, 1986: 3].

Следует подчеркнуть, что трактовка Ю.Н. Караулова получила наибольшее распространение. Дело в том, что Г.И. Богин обобщает, но не рассматривает термин в соотношении с личностью, он не берет во внимание различие языков. Ю.Н. Караулов же акцентирует внимание на конкретную личность и степень ее владения языком. С точки зрения разработки модели проблема языковой личности рассматривалась также С.Г. Воркачевым. Он предложил под языковой личностью понимать «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода семантический

фоторобот, с оставляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре» [Воркачев, 2001: 64]. Он также указывает, что в понятии языковая личность «преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» [Воркачев, 2001: 65].

Анализ вербального поведения индивида, основанный на текстовых характеристиках говорящего, включает раскрытие понятия «языковая личность» и далее целый комплекс вопросов, центральным из которых является вопрос структуры феномена языковой личности и, в частности, ее мотивации, которая, как отмечает большинство исследователей, может быть опосредованно соотнесена с прагматическими характеристиками продуцируемого текста.

Ю. Н. Караулов отмечает, что изучение и описание языковой личности предполагает воссоздание структуры такой личности на основе ее дискурса. Комплексное изучение языковой личности, по мнению Ю. Н. Караулова, включает:

- а) характеристику вербально-семантического уровня ее организации;
- б) реконструкцию языковой картины мира, или тезауруса данной личности (характеристику когнитивного уровня);
- в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в дискурсе (характеристику мотивационного уровня) [Караулов 2017: 43].

Такое описание дает возможность выявить философско-мировоззренческие предпосылки, этнонациональные особенности, социальные характеристики и историко-культурные истоки языковой личности.

Мотивационный уровень занимает доминирующее положение в стратификационной модели языковой личности, предлагаемой Ю.Н.

Карауловым ибо именно он выявляет мотивы и цели, движущие развитием языковой личности, управляющие ее текстопроизводством и, в конечном счете, определяющие иерархию смыслов и ценностей в картине мира индивида [Караулов 2017: 43]. Наряду с мотивационным уровнем (прагматиконом) в структуре языковой личности традиционно выделяются вербально-семантический уровень (семантикон) и лингвокогнитивный уровень (тезаурус). Самым высоким уровнем в структуре языковой личности считается ее тезаурус, под которым понимается особое мировоззрение, особая иерархия ценностей, присущие языковой личности способы категоризации мира [Караулов 2017: 63].

Структура, предложенная В.И. Карасиком, описывает языковую личность с позиции языкового сознания и речевого поведения, в которой ученый выделяет «пять аспектов:

языковая способность - способность ведения речевого общения (психическая и соматическая составляющие личности);

коммуникативная потребность - направленность на адресатов;

коммуникативная компетенция - обобщение для достижения цели;

- языковое сознание - отражение внешнего мира в сознании;

- речевое поведение - неосознанные поступки, характеризующие образ жизни человека» [Карасик, 2014: 8].

Можно согласиться и с таким мнением В.И. Карасика, который он представил в качестве вывода: «языковая личность - обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных знаний, установок и поведенческих реакций. Исследуя феномен языковой личности в парадигме научного знания, можно отметить, что «и языкознание, и психология имеют общие объекты и предметы изучения, а также аспекты и области функционирования.

Отсюда определяется сущность языковой личности, а в основу могут быть положены критерии языковой и коммуникативной компетенции, а также мотивационно-ценностное отношение к языку и культуре.

Вышеизложенное еще раз подтверждает тезис о сложности изучения феномена языковой личности, в частности, ее мотивационного уровня, т.к. мотивы, установки, цели, интенции говорящего оказываются в значительной степени связаны с его эмоциями, аффектами, психическим состоянием и рядом других экстралингвистических факторов: «сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологического и социального мира носителей языка».

Современное понимание языковой личности в большинстве работ включает в себя «коллективистическую» и «индивидуальную» языковую личность. При этом чаще всего употребляются в диалектическом единстве языка и речи. Так, О.А. Еремеевой под языковой личностью понимается «индивид, способный создавать закодированные обозначения внешнего мира, служащие моделью понятийной действительности и закрепленные кодификацией языкового коллектива» [Еремеева, 1991: 434]. Л.П. Клобукова считает, что языковую личность нужно исследовать как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые дифференцируются с одной стороны - с учетом различных уровней языка, с другой стороны с учетом основных видов речевой деятельности, а с третьей, с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение. Данные параметры, с учетом которых описывается портрет языковой личности, взаимодействуя в самых различных комбинациях, обуславливают существование бесконечного числа конкретных языковых личностей и их комбинаторику в рамках единой языковой личности» [Клобукова, 1997: 70].

Данный вопрос исследуется в теории коммуникации, где «языковая личность рассматривается с точки зрения выполнения той или иной функции в процессе общения. Акцентируя коммуникативный статус языковой личности, В.В. Красных предлагает трехкомпонентную модель языковой личности, выделяя собственно языковую личность, речевую

личность и личность коммуникативную» [Красных, 2013: 51]. В качестве концепции языковой личности В.В. Красных выделяет следующие «компоненты:

- человек говорящий - личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность;
- собственно-языковая личность - личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений;
- речевая личность - личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств;
- коммуникативная личность - конкретный участник конкретного коммуникативного акта, действующий в реальной коммуникации» [Красных, 2013: 37].

Таким образом, под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- 1) степенью структурно-языковой сложности;
- 2) глубиной и точностью отражения действительности;
- 3) определенной целевой направленностью.

Такая исследовательская установка отражает устоявшееся определение, что за каждым текстом стоит языковая личность его создателя.

На сегодняшний день в лингвистике можно выделить два подхода к созданию типологий языковой личности:

- 1) создание ментально-психологических типологий языковых личностей, основанных на выявлении особенностей употребления автором тех или иных языковых средств в тексте, отражающих те или иные ментальные особенности личности (Н. Б. Лебедева (2006), Н. В. Мельник (2010), Н. Н. Шпильная (2009), И. С. Прокудина (2009) и др.);

2) создание типологий языковых личностей, исходя из ментально-психологических особенностей, и выявление функционирования данных языковых типов в тексте (т.е. реализуется направление от личности вообще к языко-речевой личности и к тексту) (Н. Д. Голев (2006), Л. М. Комиссарова (2002), М. В. Ляпон (2000), К. Ф. Седов (2004) и др.).

В рамках второго подхода исследователи обращаются к уже выделенным и описанным в психологии типам личностей.

Типологии языковых личностей могут строиться на основе:

1) типов темпераментов, выделенных Гиппократом (см. работы Т. И. Ерофеевой (1991), О. Ю. Пентеговой (1999) и др.);

2) акцентуации характеров, предложенной К. Леонгардом (см. работы В. Р. Валиулиной (2009), А. А. Смирновой (2011) и др.);

3) профиля функциональной асимметрии мозга (см. работы Н. Д. Голева (2006), Н. Б. Лебедевой (2002) и др.);

4) психологических типов, выделенных К. Г. Юнгом, А. Аугустинавичюте.

На основе теории психологических типов, выявленных К. Г. Юнгом [5] и соционических типов, выделенных А. Аугустинавичюте [1], строятся исследования Н. Д. Голева (2009), А. А. Журавлевой (2009), М. В. Ляпон (2000), К. Ф. Седова (2004), И. Г. Шестаковой (2006) и др.

Считается, что каждая языковая личность является неповторимой в своих коммуникативных проявлениях. Индивидуально-психологические характеристики языковой личности представляется возможным проследить на основе индивидуальных особенностей речевой коммуникации человека. В поисках системной типологии языковой личности ученые стали обращаться к ментально-психологическим особенностям личности. Существует множество факторов, которые имеют непосредственное влияние на особенности коммуникации языковой личности, среди таких можно выделить принадлежность к различным социальным группам,

национальность, пол, возраст, образование, выбранная личностью профессия.

Разработка типологии языковых личностей проводилась в рамках психологии общения. Наиболее известна классификация [Китайгородская, 1995: 73], которая основывается на трех оппозициях для выделения коммуникативных черт характера человека: доминантность/недоминантность, мобильность/ригидность и экстраверсия/интроверсия.

Доминантная языковая личность характеризуется напористостью и инициативностью, способностью убеждать собеседника и оказывать на него влияние; недоминантная языковая личность безынициативна, уступчива. Мобильная языковая личность способна перестраивать коммуникативное поведение в зависимости от ситуации, темы общения; ригидная языковая личность неспособна подстроиться к изменениям в коммуникации и использовать различные речевые тактики. Экстраверт стремится к коммуникации, интроверт – полная его противоположность – предпочитает внутренний диалог внешнему [Клобукова, 1997: с. 49].

Особый интерес представляет теория установки, разработанная психологом Д.Н. Узнадзе. Ученый рассматривает установку, как в общем, так и в узком смысле. Если в более общем смысле под установкой личности понимается «основная изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ей приходится ставить и решать задачи» [Узнадзе, 2001: 150].

Узкая трактовка данного понятия предполагает обращение к внутренней форме языка и называется языковой установкой. Автор трактует понятие языковой установки следующим образом: «внесознательная готовность говорить и мыслить определенным образом». Языковая установка регулирует речевое поведение человека, однако существуют факторы, влияющие на нее, что позволяет ученому рассмотреть проблему установки подробнее с дифференциально-психологических позиций.

К таким факторам относится возбудимость фиксированной установки, динамичность и статичность установки (изменение установки вызваны

изменениями, происходящими во внешней среде), фактор пластичности – грубости/инертности отвечает за качество изменения установки, константность – переменность, стабильность – лабильность установки.

В зависимости от видов установок выделяется три типа языковых личностей:

- 1) динамичный,
- 2) статичный
- 3) переменный.

Динамичный тип характеризуется наличием динамичной, константной, иррадиированной и интермодально стабильной установкой, развитой способностью к объективации и готовностью переключаться в направлении объективированных целей. Статичный тип определяется по наличию у человека грубой статической фиксированной установки, она также является сильновозбудимой, интермодальной и константной.

Характерными чертами такой личности являются внутренняя противоречивость, сдержанность, деятельность которых протекает под бдительным контролем их сознания.

К третьему типу относятся переменные люди, которых исследователь делит на две группы: стабильные и лабильные. Переменно-стабильный тип личности известен развитой силой своих потребностей, так как «поведение этих людей идет по линии активации установок удовлетворения этих потребностей». Из-за этого их установка определяется как крайне переменная, однако характеризующаяся стабильностью, что означает, что переменность рассматривается в строго ограниченных границах. В сравнении с предыдущим подтипом переменно-лабильный тип характеризуется слабостью своих потребностей, так как личность фиксирует свои установки под приоритетом ситуации [Узнадзе, 2001 с. 189-202].

Концепция языковой личности Д.Н. Узнадзе является психолингвистической. Целью разработки типологии языковых личностей является выделение определенного набора языковых черт, которые характеризуют предрасположенность языковой личности к определенному способу вербального поведения.

Под языковой чертой подразумевается «повторяющаяся особенность вербального поведения человека, склонного к определенному способу его реализации на экспонентном (формальном), субстанциональном и интенциональном уровнях дискурса» [Чубай, 2007: 19].

Следовательно, автором выделяются языковые черты для каждого из трех уровней дискурса: экспонентного, субстанционального и интенционального. К экспонентному уровню дискурса относятся такие языковые черты как активность, созерцательность, персуативность, голословность, сомневаемость; в то время как субстанциональному и интенциональному уровням свойственны конкретность, абстрактность, директивность, юмористичность, буквальность, конфликтность, центрированность и децентрированность эго.

Выделение данных языковых черт, позволяет реконструировать глубинные психологические особенности личности. Все перечисленные языковые черты позволяют строить портреты языковых личностей, реконструировать глубинные психологические особенности личности.

На основании вышесказанного мы можем заключить следующее:

1. Понятие языковой личности как обобщенного образа носителей конкретного языка относится к основным понятиям антропоцентрической лингвистики. Феномен «языковая личность» и его интерпретация в лингвистике позволяют выявить природу и взаимосвязь личностных характеристик индивидов (когнитивная база, психологические мотивы, деятельностные интенции) и способы их вербализации в языке.

2. Проведенный анализ показал, что исследования, посвященные проблеме языковой личности, на нынешнем этапе рассматриваются: как

модели языковой личности (модели Г.И. Богина, С.Г. Воркачева, Ю.Н. Караулова); с позиций языкового сознания и речевого поведения (В.И. Карасик); с точки зрения индивидуального и коллективного в языке (И. Бодуэн де Куртенэ, О.А. Еремеева); как переход от языковой личности к речевой личности (Л.П. Клобукова, В.В. Красных).

3. Исследование единиц лингвокогнитивного, мотивационного и вербально-семантического уровней в структуре языковой личности облегчает понимание механизма национально-специфического отражения различных феноменов в наивной языковой картине мира и характерные особенности данной лингвокультуры.

Как следует из анализа, дефиниции исследуемого понятия, то оно в той или иной степени отличается. В целом же мы можем сделать вывод о том, что понятие языковая личность носит комплексный характер и совмещает в себе языковые и личностные процессы, включая речемыслительную деятельность.

1.2. Соотнесённость понятий «языковая личность», «речевой портрет» и «речевой имидж»

Многообразие терминов, используемых в лингвополитологии, вызывает необходимость проанализировать понятия, актуальные для нашего исследования. Так, языковая личность – это объемная содержательная структура, которая тождественна самой сущности человека говорящего. Создать ее адекватную модель – сложнейшая задача, так разнообразен языковой потенциал, так неочевидны внешние и внутренние речевые взаимосвязи, так разнородны диалоговые функции. Речевой имидж на таком фоне – более поверхностное образование. Это как бы внешняя часть языковой личности, ее «фасад», доступный для всеобщего обозрения – для пристрастного изучения любого индивида и заинтересованного взгляда целого коллектива. Именно поэтому «правильному» речевому поведению

уделяют так много внимания публичные субъекты: политики, бизнесмены, звезды шоу-бизнеса и др.

Вербальные компетенции начинают функционировать в ситуации, выходящей за пределы личной зоны, при выходе индивида из его пространства и из интропсихической зоны (где не надо надевать маску) – к аутропсихической и в «чужое» пространство социума. Речевой имидж, как правило, находится под контролем, одновременно развивая поведенческую самостоятельность. Каждый из нас в публичном общении стремится выглядеть культурно: говорит на литературном языке, использует этикетные формулы, проявляет себя как кооперативный тип языковой личности, корректно ведет беседу. Либо наоборот – по какой-то причине хочет предстать в образе агрессивного лидера, который в силах подчинить себе коллектив, навязать нужную точку зрения, доминируя среди окружающих; тогда в ход идут императивы, командные интонации, тактики прямого воздействия, грубой манипуляции и т.п. При этом, чем точнее совпадет выбранный образ с языковой личностью, тем более естественной будет коммуникативная игра. Одновременно чем сильнее расходится выбранная для публичного исполнения роль с неконтролируемым речевым поведением, тем с большим правом можно говорить о деформирующей «языковое лицо» личности «имиджевой маске». Последние рассуждения о степени естественности / искусственности речевого имиджа справедливы и в отношении пары более широких понятий «имидж» / «психотип» личности.

Значительную роль в мире политики играет «имидж» – обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности [13: 79]. Иными словами, это определенный образ, воспринимаемый людьми. О.И. Гордеева считает, что имидж выполняет определенные коммуникативные функции: облегчить восприятие политики народом, обеспечить режим благоприятствования политика, проецируя наиболее благоприятные характеристики, подготовить почву для избрания или подчинения [13]. В

коммуникативных ситуациях политик примеряет на себя многочисленные роли, служащие формированию того или иного имиджа: оппозиционер, реформатор, борец за свободу, любящий семьянин и т.д. [14]. Таким образом, речевой портрет описывает особенности речевого поведения и служит одним из факторов формирования имиджа политика. Важно отметить, что имидж формируется тактиками и стратегиями, применяемыми в политическом дискурсе. В условиях политической коммуникации происходит формирование языковой личности политика. Данное понятие формируется при анализе затрагиваемых в выступлении тем, отражении в речи культуры и знаний о мире. Расширение критериев «языковой личности» используется при описании речевого портрета коммуниканта и имиджа, формируемого в процессе политической коммуникации [15]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что во время политических выступлений за политиком закрепляется определенный имидж или образ, который способствует достижению его целей.

В своем исследовании Мухортов Д. С. отмечает, что главным параметром отличия языковой личности от речевого портрета являются временные рамки анализа функционально-коммуникативных характеристик человека: «Речевой портрет можно описывать как статическую величину, которая рассматривается в определенный отрезок времени и которая детерминируется условиями, задающимися особенностями жанра и регистра речи. Также, в отличие от языковой личности, «речевой портрет» предполагает некий срез в развитии коммуникативного потенциала человека, с другой стороны, его можно представить как совокупность характеристик, составляющих речевой имидж личности, то есть, то, как традиционно воспринимает и оценивает данного человека общественность.//https://istina.msu.ru/media/publications/article/45c/520/6886840/2014-07-02_Muhortov_D.S._Ob_obschem_i_chastnom_v_ponyatiyah.pdf

Понятие речевого имиджа представляет собой «надстроечное» социо-психолингвистическое понятие, коррелирующее как с базовыми понятиями прагматики (теории речевых актов), так и с основными постулатами теории интеракции (речевого взаимодействия). Рабочим определением понятия «речевой имидж» может служить следующее: речевой имидж есть система типичных для данного индивидуума речевых реакций и способов (моделей) порождения связного текста, способствующих либо препятствующих достижению позитивных целей общения. Таковыми целями общения могут быть: 1) сообщение адресату о некотором событии, явлении, предмете, лице, идее; 2) воздействие на адресата для коррекции его точки зрения либо поведения; 3) проявление эмоции в качестве дейксиса (заместителя) сообщения. Различные формы дискурса, его фрагментов, модели построения дискурсов оказывают также влияние на содержание, структуру и тип речевого имиджа, но оказываются тем не менее внешними по отношению к нему. Проблема формирования речевого имиджа, рассматривавшаяся ранее в пределах стилистики, риторики и речевого этикета как прикладных лингвистических дисциплин, формируется под воздействием прикладных задач (в том числе формирования общего имиджа лидеров, менеджмента, судебной реформы и т.п.) в самостоятельную исследовательскую проблему, находящуюся на стыке лингвистики, психологии, социологии, информатики и теории мышления. В узком же смысле проблема формирования речевого имиджа представляет собой прикладную лингвистическую проблему, обладающую научной самостоятельностью.

Речевым имиджем можно называть особое речевое поведение индивидуума, сформированное под воздействием социальной среды либо сознательно, отвечающее основным законам речевого общения (интеракции) и соотносимое со структурой и характером языковой личности. Поэтому структура речевого имиджа включает в себя: а) элементы структуры языковой личности; б) аутентичные элементы.

Наблюдения над речевым поведением индивидуумов показывают, что в структуру речевого имиджа включаются:

- 1) возрастной имидж;
- 2) социальный имидж;
- 3) культурный имидж.

Е.В. Осетрова выделяет языковую, речевую (коммуникативную) и текстовую составляющие речевого имиджа.

1) Языковая составляющая речевого имиджа предполагает наличие языковой культуры, которая помогает отобрать языковые единицы, способствующие созданию публичного образа политика.

2) Речевая составляющая имиджа

Её качество связано с тем, насколько удачно выстраивает человек свое коммуникативное поведение. При этом учитываются такие компоненты, как речевая культура, речевая самостоятельность и коммуникативная компетентность.

Речевая культура предполагает знание правил общения, владение речевыми жанрами, речевыми ролями, а также коммуникативными стратегиями и тактиками.

Речевая самостоятельность обнаруживается в способности к спонтанному общению, т.е. высказывает ли коммуникант новые мысли и насколько он может их донести. Если текст не отличается новизной, его содержание должно быть освоено в должной степени, чтобы складывалось ощущение естественного высказывания. Коммуникативную компетентность показывают индивиды, которые быстро ориентируются в любой ситуации общения и с её учётом могут использовать различные коммуникативные стратегии и тактики.

3) Текстовая (содержательная) составляющая имиджа

Определяя структуру текстовой составляющей, Е.В.Осетрова, Т.В. Шмелева и др. выделяют:

- ключевые слова – выделяются (общественным) сознанием и в качестве одной из значимых характеристик имеют высокую частоту употребления, развитую синтагматику, а также разнообразие внутритекстовых связей;
- лозунг/и – как форма самопрезентации и одновременно как способ воздействия публичного деятеля на общество;
- модель настоящего – отражает специфическое видение актуального положения дел, и потому насквозь пронизана оценкой;
- модель будущего – особенно важна в том случае, если взгляд политического субъекта обращен в перспективу: на строительство новых институтов, реализацию масштабных проектов, на расширение внешних и внутренних связей;
- модель прошлого, без которой невозможна самоидентификация личности;
- ключевые идеи и темы, заполняющие личностное языковое пространство[43].

Нам импонирует точка зрения Т. Н. Дорожкиной, которая ставит знак равенства между понятиями «речевой имидж» и «речевой портрет»[22]. По нашим наблюдениям, термин «речевой имидж» чаще используется в лингвополитологии, а понятие «речевой портрет» - в лингвоперсонологии. В рамках нашей работы оба термина будут использоваться как синонимичные.

1.3. Речевое имиджирование в политической лингвистике

Вторая половина XX века отмечается также повышением интереса к речевому портретированию представителей различных профессиональных групп. В этой связи не остается без внимания и сфера политической коммуникации.

Задачей данного параграфа определение специфики языка политической речи. Так как политик является публичной личностью, ведет переговоры и выступает оратором, то необходимо рассмотреть его речь через коммуникацию, а именно политическую коммуникацию.

Политическая коммуникация - совокупность процессов информационного обмена и передачи политической информации, которая структурирует политическую деятельность» [Грачев, 2004: 109].

Как известно, изучение языка политики началось в 30 годах XX века, когда были обнаружены изменения на лексическом и стилистическом уровнях, а именно возникновение диалектизмов, аббревиатур, а также влияние просторечия и официально-деловой речи. Именно в то время, политическая коммуникация сформировалась в отдельную научно-прикладную дисциплину. Постепенно нарабатывается опыт о лингвополитическом анализе взаимодействия «языка и стиля», а политическая речь рассматривается уже в ораторском искусстве; появляются работы, посвященные политическим лидерам, таким как И.В. Сталин и В.И. Ленин.

Не вызывает сомнения, что политическая лингвистика и политический дискурс непосредственно связаны с завоеванием и удержанием политической власти в обществе. Анализ политического дискурса позволяет раскрыть, каким образом осуществляется речевое воздействие на общественное сознание, какие речевые стратегии и тактики использует политик для достижения собственных целей, каким образом происходит манипуляция сознанием людей

В предвыборной кампании в политическом дискурсе особую важность приобретает полемичность дискурса, которая направлена на то, чтобы внушить избирателям негативное отношение к оппонентам, а основные идеи сформулировать таким образом, чтобы они носили конструктивный и позитивный характер и были направлены на решение важных проблем, существующих в обществе.

Современная российская лингвистика, изучающая феномен политической речи классифицирует материал по методам исследования, периоду и языковому ярусу [Чудинов, 2016: 105].

Итак, политический язык А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич определяют как «особую языковую систему, предназначенную именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических решений» [Баранов, 2012: 6]. Политическим языком также можно назвать «систему знаков, фиксирующую политические явления и процессы, основной функцией которой является передача политической информации «суммы сведений, способной дифференцированно отражать политическую жизнь общества» [Чернявская, 2016: 75].

Из изложенного становится понятным, что политическим язык делает информация и обстановка, в которой передается информация, а также функции указанного языка. Далее рассмотрим основные понятия политического дискурса. Среди известных типов дискурса, наравне с научным, деловым, медицинским, юридическим, педагогическим, спортивным, рекламным и многими другими видами, выявляется политический дискурс. Он принадлежит к типу институционального общения и имеет присущие только ему характеристики.

Е.В. Осетрова определяет модель описания речевого портрета политика, в основании которой лежат: речевая, или коммуникативная; содержательная составляющие [Осетрова, 2012: 58].

В работе «Политическая лингвистика» А.П. Чудинов выделяет четыре характерные черты лингвополитики [Чудинов, 2016: 19–29].

Первой чертой учёный называет антропоцентризм, в котором изучение языковых явлений опирается на языковую личность.

Политический деятель выступает, с одной стороны, как носитель индивидуальных коммуникативно-прагматических и лингвостилистических характеристик, с другой стороны — как представитель целого класса, тип

институциональной языковой личности, несущей в себе признаки групповой принадлежности.

Как правило, объектом исследований становятся политические лидеры — главы государств (В. Путин, Д. Трамп, Дж. Буш, Б. Обама, Н. Саркози), главы правительств (А. Меркель, Д. Кэмерон), лидеры политических партий и яркие представители политической оппозиции (Г. Зюганов, В. Жириновский, И. Хакамада, С. Руаяль, Х. Клинтон).

Публичный характер и огромный манипулятивный потенциал политической коммуникации обусловили интерес к ней со стороны многих лингвистических школ и направлений.

Речевое имиджирование и портретирование политиков осуществляется в рамках и на пересечении ряда наук — социолингвистики, лингвокультурологии, прагматики, риторики и др. — и являет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности.

В этой связи представляется возможным разделить все многообразие работ по данной проблематике на несколько групп:

- исследования когнитивной составляющей речи политиков;
- исследования речевого поведения политика в содержательно-коммуникативном аспекте;
- риторическое портретирование политических деятелей;
- исследования акустических характеристик речи политиков.

Исследования первой группы имеют целью выявление базовых доминант ценностной иерархии языковой личности политика, воссоздание его идеологической картины мира [Светоносова 2006; Фенина 2008].

В качестве основной единицы анализа в этих работах выступает концепт, понимаемый как «многомерное смысловое образование» [Карасик 2002: 91], единица «ментальных или психических ресурсов сознания» [Цит. по Карасик 2002: 96]. Известный лингвист Ю.С. Степанов по-своему определяет понятие «концепт», называя его «сгустком культуры» [Степанов, 2014:40].

Под концептом мы понимаем не саму реальность, а некоторые представления о ней. Здесь речь не идет об отвлеченных понятиях, т.к. концепт явление конкретное, социальное и историческое, закрепленное во времени, переходящее, независимо от того, что современники воспринимают его как вечную истину. Как отмечает С.А. Булгучева, «само понятие концепта в современной лингвистике, несмотря на широкое использование этого термина, не является однозначным» [Цит. по Баранов, 2012: 83].

Идиотичность этого феномена заключается в том, что при попытке перевода на другие языки, в лексической системе которых присутствует производящий латинский этимон (*conceptus / conceptum*), он «утрачивает свою терминологическую значимость» [Цит. по Баранов, 2012: 61]. Аналогичные иностранные термины (англ. *concept*, исп. *concepto* и пр.) чаще всего являются псевдоэквивалентными, отличаясь как содержанием, так и сферой употребления.

При анализе тех или иных концептов исследователи раскрывают их понятийные и ценностные составляющие и выделяют значения, образующие ядерные и периферийные смыслы в дискурсе политического деятеля. Кроме того, анализируется выражение концепта — способы его реализации в речи политика. Для этого рассматривается контекстуальное употребление концепта, все языковые средства, служащие для иллюстрации и уточнения его содержания.

Относительно понятия концепта важно отметить, что определения нередко освещают разные стороны природы данного явления, не давая цельного представления. Мы считаем, что более объективно и убедительно обоснован концепт в работах А.П. Бабушкина, М.М. Бахтина, В.А. Масловой и др. В этой связи сам концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики.

Также определенное значение в нашем исследовании имеет понятие «дискурса».

Чаще всего исследователи дискурса современного периода за основу берут определение Т.А. Ван-Дейка: «дискурс - это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Ван-Дейк, 2015: 7]. С данным мнением согласуется определение, представленное в словаре: «дискурс - это связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Лингв. энциклопедический словарь].

О.Л. Каменская указывает, что «термин дискурс близок по смыслу к понятию текст, однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. В противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда дискурс рассматривается как динамический процесс языковой деятельности, как ее социальный контекст, ее результат, т.е. текст. Именно такое понимание является предпочтительным» [Лингв. энциклопедический словарь]. Также с понятием «дискурс» схоже и понятие «диалог». О.Л. Каменская разъясняет, что «дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух основных ролей - автора (говорящего) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между участниками дискурса; в этом случае говорят о диалоге. Дискурс называют монологом в том случае, если на протяжении дискурса роль говорящего закреплена за одним и тем же лицом. Неверно считать, что монолог - это дискурс с одним участником, так как при монологе адресат также необходим. В сущности, монолог - это просто частный случай диалога, хотя диалог и монолог резко противопоставлялись» [Каменская, 2014: 64].

М.Л. Макаров указывает, что «в определении дискурс должны найти отражение его важнейшие формальные, функциональные характеристики. Так, с точки зрения формы дискурс представляет собой образование,

превосходящее по своему объему предложение и соотносимое с такими языковыми единицами, как сложное синтаксическое целое и текст. С функциональной точки зрения дискурс рассматривается как совокупность функционально организованных и определенных контекстом языка» [Макаров, 2013: 8].

Именно Т.А. Ван-Дейк четко разграничил исследуемые понятия: дискурс - это понятие, касающееся речи», «текст - это понятие, касающееся системы языка» [Ван-Дейк, 2015: 127].

Среди исследований этой группы особенно следует выделить работы, в которых когнитивная составляющая языковой личности политического деятеля рассматривается через призму построения метафорических моделей [Дементьева 2009; Нехорошева 2012, Цаголова 2012].

Теоретико-методологической базой этих исследований являются теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), дескрипторная теория метафоры (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов), когнитивное изучение метафоры в школе политической лингвистики (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев) и другие направления современной метафорологии, в основе которых лежит представление о метафоре как об особом механизме речемыслительной деятельности.

Как отмечают А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, такой подход позволяет «вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры» [Будаев, Чудинов 2008: 31].

Для исследователей когнитивной системы языковой личности политического деятеля метафора является своеобразным способом отражения идеологической картины мира политика.

Метафоры анализируются с точки зрения реализации в них определенных ценностных доминант языковой личности политика.

Так, в исследовании А. М. Нехорошевой с опорой на классическую типологию концептуальных метафор Дж. Лакоффа анализируется

взаимодействие основных концептов когнитивной матрицы «свой-чужой» в дискурсе канцлера Германии А. Меркель [Нехорошева 2012].

В работе М. А. Дементьевой метафора рассматривается как одно из языковых средств выражения оценки в дискурсе российских президентов В. В. Путина и Д. А. Медведева [Дементьева 2009].

К первой группе исследований мы также относим работы, в которых в качестве средств вербализации ценностных доминант языковой личности политика рассматриваются фразеологические единицы [Седых, Сопова 2011; Сопова 2012]. Исследования второй группы, посвященные речевому портретированию политиков в содержательно-коммуникативном аспекте, основываются на системном подходе и предполагают обращение к концепции языковой личности, разработанной Ю. Н. Карауловым [Асташова 2011; 2013; Гаврилова 2012; Осетрова 1999; Цветкова 2012].

Работы этой группы содержат описание лингвоидеологического пласта речи политического деятеля, характеристику коммуникативного поведения политика через анализ основных стратегий и тактик, а также стилистическую квалификацию наиболее частотных в речи политика языковых единиц.

Речевую (коммуникативную) составляющую модели речевого портрета, по мнению исследователя, составляют коммуникативный режим (монолог — диалог), жанровые предпочтения, коммуникативная успешность (речевые ошибки), а также степень искренности (правдивости) [Осетрова 1999: 66].

Кроме того, Е. В. Осетрова отмечает, что речевой портрет политика «не предъявляется обществу непосредственно, но имеет вид приблизительной, не всегда точной копии благодаря усилиям СМИ, оппонентов и общественного мнения» [Осетрова 1999: 65].

На основе сопоставления лингвопортретных вариантов О. И. Асташова выявляет константные и вариативные параметры языковой личности политика, позволяющие проследить динамическую модификацию

речевого портрета, обусловленную определенным социально-культурным контекстом [Асташова 2011; 2013].

Речевое портретирование политических деятелей в риторическом аспекте — составление «риторического портрета» — осуществляется в русле социолингвистического подхода и предполагает анализ знаний, умений и навыков, помогающих политику оказывать планируемое воздействие на аудиторию [Гаврилова 2012; Макарова 2012; Обвинцева 2012, Паршина 2005]. Целью данных исследований является оценка риторической компетенции и определение доминирующих средств речевого воздействия в речи политического деятеля.

В докторской диссертации О.Н. Паршиной, посвященной анализу стратегий и тактик в речевом поведении различных представителей российской политической элиты, составляются риторические портреты В.В. Путина, Д. С. Рогозина и А. Б. Чубайса. По мнению автора, риторическая грамотность политика проявляется в первую очередь в эффективном использовании тактик речевого поведения [Паршина 2005].

В отдельную группу исследований мы выделяем работы, в которых объектом изучения становятся акустические характеристики речи политиков [Алышева 2012; Голошумова 2002; Ковалев 2006]. Этот тип речевого портретирования относится к области аппаратной лингвистики и осуществляется с применением компьютерных аудио - и видеоредакторов. Представляется очевидным, что интонационные и иные акустические характеристики речи политика не являются самоценными, а рассматриваются как средство речевого воздействия и, шире, как средство формирования определенного образа политика, а потому анализируются с учетом их взаимодействия с синтаксическими конструкциями, лексическим наполнением и ситуативным контекстом.

Так, исследование Ю.С. Алышевой посвящено выявлению доминантных характеристик речевых портретов В. В. Путина и Д. А. Медведева. Автор анализирует взаимодействие разноуровневых языковых

средств, обеспечивающих своеобразие речевого портрета политиков. Наибольшее внимание при этом уделяется акустическим характеристикам звучащей речи, к которым исследователь относит особенности синтагматического членения речевого потока, доминирующие интонационные модели, паузацию, варьирование интенсивности звучания в зависимости от значимости информации и т. д. [Алышева 2012].

Нельзя не признать, что в условиях современной научной интеграции лингвистические исследования все чаще выходят за рамки определенной школы и ведутся на пересечении нескольких научных направлений. В этой связи отметим, что предложенная нами классификация носит сугубо приблизительный характер и ни в коей мере не претендует на завершенность и всеохватность.

Исследователи речевого поведения языковой личности неоднократно отмечали важность речежанровой компетенции говорящего. Так, по мнению К.Ф. Седова, «степень владения/ невладения личностью нормами речежанрового поведения, тяготение к тем или иным жанрам могут стать основой для типологии проявлений коммуникативной компетенции» [Цит. по Дементьев]. В этой связи следует сказать еще об одном направлении в исследовании языковой личности. (термин В. В. Дементьева [Дементьев]).

К важнейшим задачам данного направления относится исследование языковой личности через призму речевого жанра, при котором на первый план выходят объем и детальные характеристики речежанровой коммуникативной компетенции языковой личности.

В. В. Дементьев отмечает, что в рамках типологии, построенной на основании «языковая личность через призму жанра» выделяются типы языковой личности в зависимости от умений / способностей / предпочтений / репертуара используемых речевых жанров. В. В. Дементьев также отмечает, что простая фиксация речевых жанров, используемых и предпочитаемых языковой личности, является необходимым условием для создания ее речевого портрета [Дементьев].

На наш взгляд, речезанровый анализ становится особенно актуальным для исследования политической коммуникации, ведь публичная речь политиков — это всегда речь, детерминированная канонами определенного жанра, будь то интервью, пресс-конференция, дебаты или предвыборное обращение. В этой связи нам представляется, что именно речевое портретирование в жанровом аспекте может обеспечить наиболее комплексный подход к анализу языковой личности политика, так как позволит не только охарактеризовать различные уровни реализации языковой личности, но и проследить зависимость варьирования тех или иных речевых характеристик от жанра, ситуации коммуникации, образа адресата и т.д., то есть оценить степень речезанровой и, шире, коммуникативной компетенции политика.

Кроме того, анализ речевого поведения политика в рамках определенных жанров дает основания для оценки типа его языковой личности [Седов 1999]. Отметим, что термином «жанр» применительно к политическому дискурсу обычно обозначаются событийные речевые жанры (сложные речевые события [Гольдин 1997; Дубровская 1999], гипержанры [Дементьев, Седов 1998]), то есть «речевые формы, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации и объединяющие в своем составе несколько жанров, которые в свою очередь состоят из субжанров, одноактных высказываний, входящих в состав жанра на правах тактик» [Дементьев, Седов 1998: 19].

Отметим также, что жанровый репертуар речи того или иного политика в немалой степени обусловлен его политическим статусом. Так, существуют жанры, в которых может выступать только президент (инаугурационная речь, новогоднее обращение к гражданам страны), кандидаты на пост президента страны или депутаты Государственной думы (предвыборное обращение) и т. д. В этом случае речь идет, как правило, о монологических риторических жанрах. Существуют также письменные жанры, разная степень представленности которых в дискурсе политического

деятеля также в основном зависит от его политического статуса (программа партии, предвыборные статьи и т. д.).

Представляется логичным, что для описания языковой личности политика устные диалогические жанры более значимы, нежели жанры риторические и письменные, поскольку последние, хотя и могут служить основанием для измерения риторической грамотности политика, вряд ли в полной мере отражают закономерности его речевого поведения. Риторические жанры реализуются в текстах, заранее подготовленных и отредактированных (в условиях современной политической действительности не без помощи профессиональных редакторов — так называемых спичрайтеров), в качестве основной цели имеющих воздействие на аудиторию и представляющих политика в наиболее выгодном для него свете.

Устные диалогические жанры (интервью, пресс-конференция, дебаты, ток-шоу), в свою очередь, характеризуются высокой степенью спонтанности коммуникации и соответственно предполагают максимально объективные результаты анализа. Отметим, что интерес к устной коммуникации в целом характеризует современную действительность и в полной мере распространяется на жанровое пространство политического дискурса: «необходимость исследования политического дискурса на материале речи политиков диктуется тенденциями развития политической коммуникации, наблюдаемыми в нашем обществе, а именно — «орализацией» общения, значительным возрастанием роли устной речи, увеличением её удельного веса в общении и повышении значимости устной речи как формы существования языка» [Паршина 2005: 16].

Таким образом, мы можем заключить, что речевой портрет — важная составляющая любой языковой личности. И последней чертой лингвополитики является экспланаторность, перед которой стоит задача найти определенное объяснение внутренней организации языка, его отдельным модулям и т.д.

Итак, речевое портретирование политических деятелей является популярным направлением политической дискурсологии. Оно осуществляется в различных аспектах и в рамках (или на пересечении) различных лингвистических направлений, таких как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, теория дискурса, риторика, прагматика и др.

Особенно актуальным и перспективным, на наш взгляд, становится описание языковой личности политика в жанровом аспекте, предполагающем жанровую квалификацию дискурса политического деятеля и описание его коммуникативно-речевого поведения в рамках заданного речевжанрового репертуара. Преимущество речевжанрового анализа заключается в комплексном подходе, позволяющем интегрировать содержательный, поведенческий и компетентностный аспекты. Именно при таком комплексном подходе обеспечивается максимально полное и детальное описание речевого портрета языковой личности.

1.4. Модель описания речевого портрета политика

Понятие речевого портрета носителя языка или речевого портрета группы носителей языка не ново в лингвистике. Толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х годов XX века. М.В. Пановым и воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII-XX вв. Идея речевого портрета подхвачена другими учеными: [Ерофеева 1990, Земская 1990, Николаева 1991, Китайгородская, Розанова 1995] и т.д. Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М.В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной

культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т.п.), наличие в речи локальных особенностей. Предлагаемая нами методика анализа речевых портретов представителей разных социальных групп, с одной стороны, содержат своего рода «диагностирующие пятна» – социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения («излюбленные» приемы и тактики), с другой стороны, претендуют на анализ языковой личности, под которой принято понимать базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, языке личности.

Характеристика языковой личности предполагает анализ ее вербально-семантического, лингвокогнитивного (тезаурусного), мотивационно-прагматического (деятельностного, стратегии и тактики) уровней. Речевые портреты политиков можно представить с помощью методик контент-анализа, интен-анализа, дискурс-анализа, а также с помощью психолингвистических методик.

Укажем, что существуют разные модели описания речевого портрета. Так, например, М.Н. Гордеева предлагает следующую «модель речевого портрета:

- особенности языковых единиц разных уровней;
- особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра);
- лингвокультурологические особенности (отражение культуры в языке);
- рефлексия персонажей и метаязыковые пометы» [Гордеева, 2012: 18]. Данная модель достаточно хорошо представляет речевой портрет и в плане индивидуального речевого портрета ее можно назвать одной из лучших, однако она больше направлена на анализ литературных героев.

Для исследуемого в нашей работе речевого портрета государственного деятеля важны результаты исследования Е.В. Осетровой. Она предлагает рассмотрение двух планов речевого портрета политика: содержательной и коммуникативной, а также отмечает, что специфика модели заключается в том, что она имеет одновременно двух адресатов: народ и оппонентов. «Содержательное основание - информативная часть текстов, публикуемых политическим деятелем. Она складывается из определенных единиц: концепты, или ключевые слова; модель настоящего; модель будущего; лозунги. Наиболее постоянные величины - основные концепты (власть, народ, реформы, благосостояние, экономика, кризис и т.д.), адресаты, к которым постоянно обращается политик (народ и оппоненты) и модель будущего с положительной оценкой» [Осетрова, 20102: 49].

Коммуникативная составляющая позволяет рассмотреть четыре параметра собственных речевых характеристик политика:

- во-первых, режим высказывания: монолог или диалог. При этом второй вариант оценивается аудиторией как предпочтительный;
- во-вторых, учитывается выбранный тип речевого жанра.

Отмечается, что для политической сферы наиболее характерны информационные оценочные жанры, причем первый тип выбирают преимущественно действующие политики, а второй - те, кто претендуют на власть;

- в-третьих, важен и такой параметр, как семантическая роль, в которой выступает политик в текстах, описывающих его деятельность. Это может быть роль агента, имеющая семантику активного участника какого-либо действия;

- в-четвертых, оцениваются коммуникативные удачи или неудачи политика, связанные с речевым поведением.

Речевой портрет политика корректируется извне: обществом, журналистами, оппонентами. Е.В. Осетрова указывает: «как правило, люди получают информацию о политиках в основном из средств массовой

информации, особенно в ситуации, когда у людей нет другого источника информации об указанных политиках. Следовательно, те оценки, образные определения, которые используются в масс-медиа и общественном мнении как элементы речевого портрета политиков, отпечатываются в сознании людей и становятся частью их представления» [Осетрова, 20102: 51].

Итак, коммуникативная составляющая речевого портрета политика обладает более важным значением, чем содержательная. Часто политика оценивают в большей степени по тому, как он говорит, т.е. по его коммуникативной компетенции. Среди адресатов народ приоритетнее оппонентов.

Итак, согласно мнению Е.В. Осетровой, речевой портрет политика складывается из двух составляющих: содержательной и коммуникативной, однако наблюдать его возможно только опосредованно, через призму средств массовой информации, оппонентов и общественного мнения.

Модель речевого портрета политика Е.В. Осетровой не в полной мере раскрывает динамику в ее модели, что, в свою очередь, не позволяет нам взять за основу эту модель. Данное мнение подтверждается многими исследователями, считающими важной динамику речевого портрета политика. Например, О.С. Иссерс пишет: «целесообразно стремиться описать языковую личность не статично, а динамично - с точки зрения модели речевого поведения, в аспекте речевых стратегии и тактик, способов речевого маневрирования, приемов достижения коммуникативных целей» [Иссерс, 2016: 61].

В качестве динамического феномена речевой портрет политика изучала О.И. Асташова. Прежде всего, отметим выдвинутую ею гипотезу. Она предположила, что «динамика языковой личности политика, адаптирующегося к социально-историческим условиям, проявляется, прежде всего, в аспекте речевых стратегий и тактик, приемов достижения коммуникативных целей при возможном сохранении мировоззренческой (идеологической) целостности и речекультурной уникальности» [Асташова,

2013: 8]. В связи с указанной гипотезой впоследствии О.И. Асташова обосновала модель, соотносимую с «естественной параметризацией человека: человек в отношении к миру (ментальный параметр), человек в отношении к другим людям (поведенческий параметр), человек в отношении к себе (индивидуально-речевой параметр)» [Асташова, 2013: 23].

В своей модели она выделяет три аспекта характеристики языковой личности:

- лингвокогнитивный аспект связан с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности, а также с реконструкцией идеологической картины мира языковой личности политика;

- коммуникативный - раскрывается на базе понятия речеповеденческих стратегий и тактик, применяемых политиком для воздействия на аудиторию, а также на изучении лингвистических средств выражения выбранных коммуникативных стратегий и тактик;

- индивидуально-речевой - отражает индивидуальные особенности речи и опирается на понятие речевой компетенции личности [Асташова, 2013: 27].

Имеется еще некоторое количество моделей речевого портрета. Так, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова называют речевой портрет «функциональной моделью языковой личности» и выделяют параметры, по которым производится анализ этой модели.

Одним из этих параметров является лексикон языковой личности - уровень, который отражает владение лексико-грамматическим фондом языка. На этом уровне анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность.

Следующей ступенью исследователи называют тезаурус, репрезентирующий языковую картину мира. При описании речевого портрета делается акцент на использовании разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые делают личность узнаваемой.

Третий уровень - прагматикон, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации» [Китайгородская, 1995: 83]. Указанные три уровня соответствуют уровням языковой личности в модели Ю.Н. Караулова: вербально-семантическому, когнитивному и прагматическому.

Ценность лингвосоционического моделирования заключается, прежде всего, в том, что оно имеет системное основание для выявления типов языковой личности.

Рассмотрим этапы лингвосоционического моделирования:

- 1) выявление ядерных лингво-психологических особенностей личности, обуславливающих выбор тех или иных языковых средств;
- 2) выявление языковых средств, используемых языковой личностью, зависящих от ее лингво-психологических характеристик.

В настоящей работе детальному изучению подвергается лексический и грамматический уровень. Лексемы и части речи определенной лексико-тематической группы (ЛТГ), на наш взгляд, являются маркерами психических/соционических типов личности;

- 3) верификация.

Моделирование предполагает рассмотрение текста как реализацию речевой способности автора. Данный этап использует направление исследовательского движения от текста к типу языковой личности.

Опираясь на особенности структуры языковой личности (по Ю.Н. Караулову), М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова выявили модель речевого портрета:

1. Лексикон языковой личности – уровень, который отражает владение человеком лексико-грамматическим фондом языка. То есть при создании речевого портрета данного уровня языковой личности необходимо проанализировать запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность.

2. Тезаурус языковой личности – это языковая картина мира, которая при описании речевого портрета этого уровня отражается в использовании излюбленных разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, по которым мы узнаем личность.

3. Прагматикон языковой личности как система коммуникативных ролей, мотивов, целей, интенций, которые руководят личностью в процессе коммуникации.

Однако в своем исследовании М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова затронули письменную речь. Стоит обратить внимание на то, что естественная разговорная речь отличается от письменной разговорной речи, отраженной, например, в художественном произведении.

Очевидно, такие модели не совсем соответствуют подходам, с которыми следует приступать к изучению речевого портрета современных политиков, поэтому в нашей работе пришлось создать другую модель.

Наша модель базируется на трех уровнях с несколькими составляющими на каждом уровне составляющими с учетом лингвокультуры и теоретических изысканий ученых, описанных выше:

1. Лингвокогнитивный уровень, связанный с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности. Сюда вошли идеологические установки личности политика, концепт власть, концепт общество, концепт экономика, реализуемые в его речи.

Уточним, что ведущее значение на данном уровне имеют концепты власти, общества и экономики, которые последовательно реализуются в речи политика.

Как известно, что исследованием данной сферы занимается наука – концептология. Как считает Ю.Н. Караулов, концепт – это один из элементов, образующий концептуальную картину мира. Концепты – это сверхпонятия, которые представляют собой «обобщения элементов ЯКМ или имена объединений семантических полей» [Караулов, 2017: 78].

Рассмотрим место концептов в концептуальной картине мира.

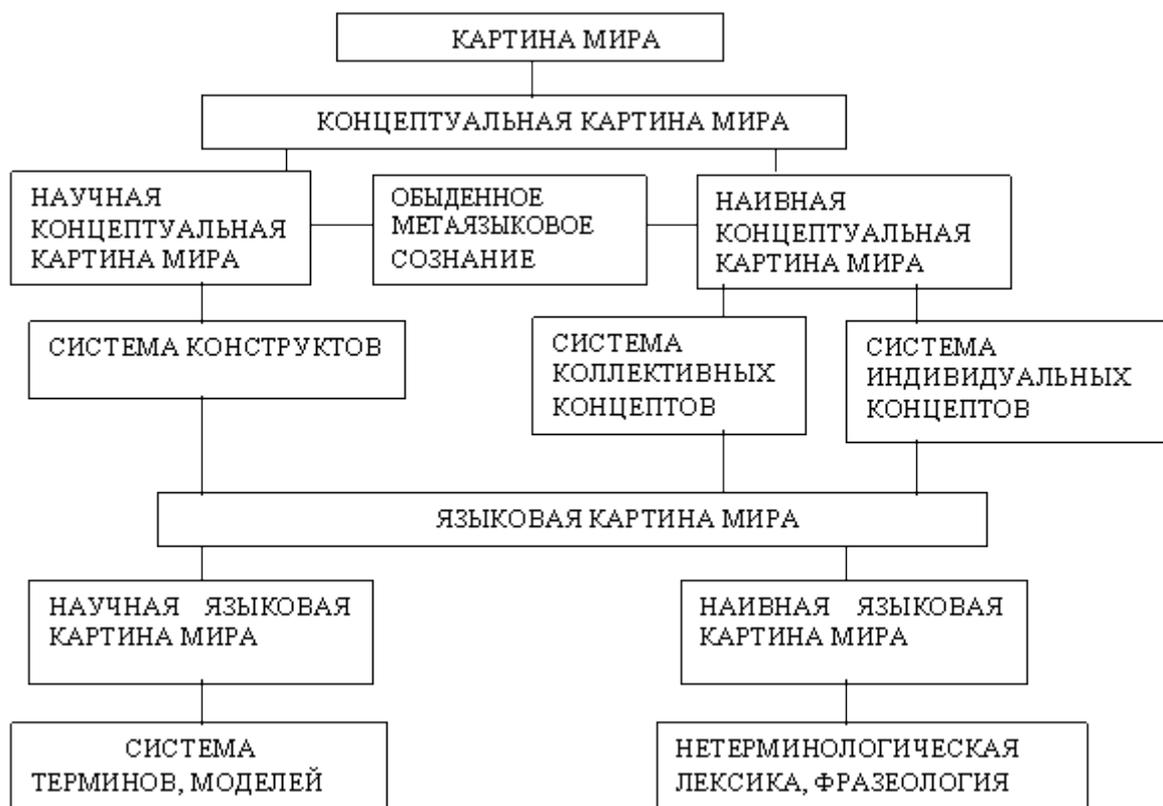

Рис. 2. Место концептов в концептуальной картине мира (по Ю.Н. Караулову)

Хочется еще раз подчеркнуть, что концепт – это понятие, представление о чем-то конкретном. Без него не существует языковой знак, поскольку понятие (концепт) – базовый компонент языкового знака, его сигнификативная часть. Концепт прямо соотносится с концептуальной картиной мира (ККМ), а через нее – с языковой (ЯКМ). Понятно, что ККМ гораздо шире, чем ЯКМ как в мышлении народа в целом, так и в индивидуальном мышлении. Концепт воплощается именно в проявлениях личностного и общественного сознания. Это сознание моделируется на внешних проявлениях, когда концепт реализуется в культуре, в моделях массового сознания.

2. Коммуникативный уровень, раскрывающийся на базе понятий речеповеденческих стратегий и тактик.

В данном ключе мы будем рассматривать следующие ведущие коммуникативные стратегии: стратегия самопрезентации, стратегия дискредитации, стратегия самозащиты, агитационная стратегия. Раскрытие данных стратегий политика в его коммуникации позволяет выяснить его коммуникативное намерение, установки, цель и т.д.

3. Индивидуально-речевой уровень, опирающийся на понятие речевой компетенции личности.

Данный уровень включает в себя лексикон, который отражает особенности владения языком политика, что проявляется в его речи. На наш взгляд, лексикон состоит из слов литературного и нелитературного языка. Хотя в речи политика, которая носит публичный характер, как правило, не употребляется нелитературный язык, но часто в такой речи заметно наличие просторечия, жаргонизмов, диалектизмов и т.д.

Укажем, что лексемы как совокупность маркеров, которые занимают одно из центральных мест в речи политика, отражают их языковую картину мира этой личности. Так что они включены нами в тезаурус речевого портрета, который входит составной частью в их лингвокогнитивный портрет. Между тем контрастный анализ черт речи политика нами проводится с точки зрения соотношения лингвокультуры, то есть перед нами стоит задача найти согласование и расхождение в языковой картине мира между двумя лингвокультурами при понимании смысла речи и создании лингвокогнитивного портрета самого политика.

Рассмотрим данную модель в виде схемы.

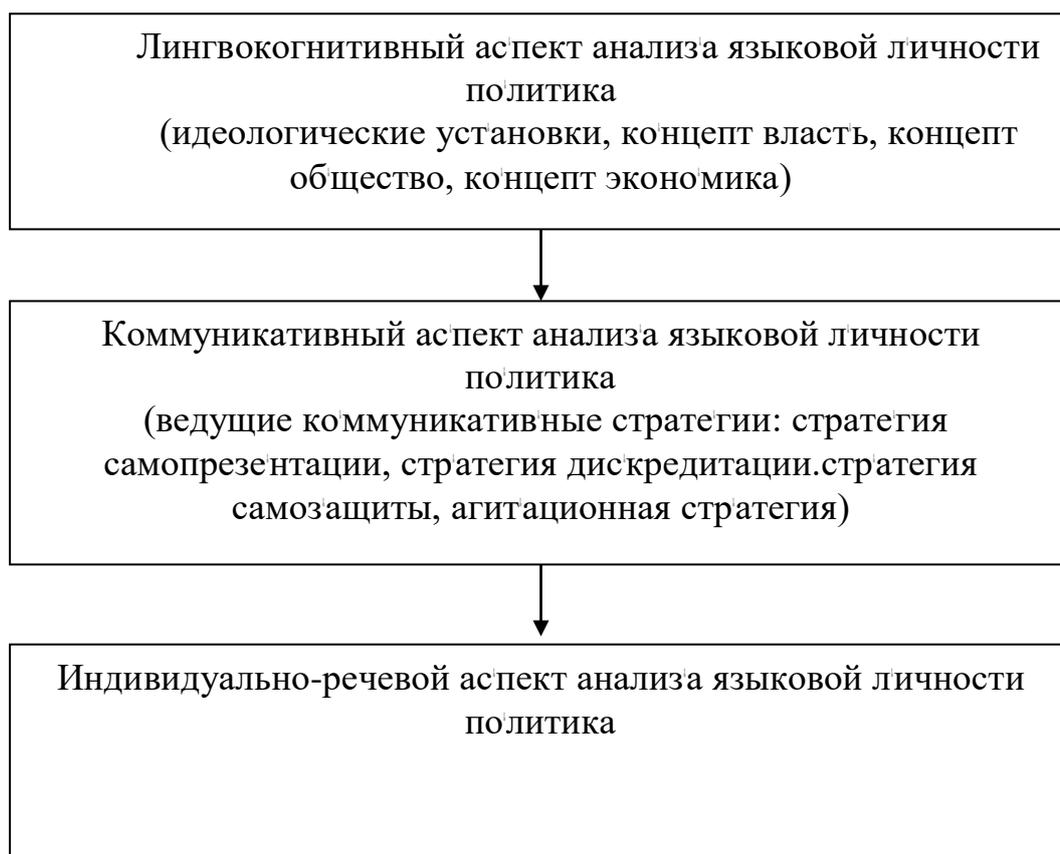

Рис. 3. Модель описания речевого портрета политика (по А.И. Асташовой)

Таким образом, нами была создана модель описания речевого портрета политика, которая последовательно реализуется на трех уровнях.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем заключить следующее:

1. Под языковой личностью можно понимать совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов). Как отмечает Ю.Н. Караулов, изучение и описание языковой личности предполагает воссоздание структуры такой личности на основе ее дискурса. Комплексное изучение языковой личности включает в себя: характеристику вербально-семантического уровня ее организации; реконструкцию языковой картины мира, или тезауруса данной личности (характеристику когнитивного уровня); выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в дискурсе (характеристику мотивационного уровня).
2. Разработка типологии языковых личностей проводилась в рамках психологии общения. Наиболее известна классификация, которая основывается на трех оппозициях для выделения коммуникативных черт характера человека: доминантность/недоминантность, мобильность/ригидность и экстраверсия/интроверсия.
3. Понятие языковой личности как обобщенного образа носителей конкретного языка относится к основным понятиям антропоцентрической лингвистики. Концепт «языковая личность» и его интерпретация в лингвистике позволяют выявить природу и взаимосвязь личностных характеристик индивидов (когнитивная база, психологические мотивы, деятельностные интенции) и способы их вербализации в языке.

4. Речевым имиджем можно называть особое речевое поведение индивидуума, сформированное под воздействием социальной среды либо сознательно, отвечающее основным законам речевого общения (интеракции) и соотносимое со структурой и характером языковой личности.
5. Одним из способов описания языковой личности является создание ее речевого портрета. Речевой портрет включает три уровня: лексикон, отражающий владение языковой личностью лексико - грамматическим фондом языка, тезаурус, под которым понимается языковая картина мира, а именно частотные лексические единицы, разговорные формулы, речевые обороты, прагматикон – «система коммуникативных ролей, мотивов, целей, интенций, которые руководят личностью в процессе коммуникации» [Караулов, 2017: 4].
6. При речевом портретировании языковая личность представляется как объект наблюдения. Речевой портрет - это способ комплексного изучения языковой личности. Единой модели составления речевого портрета не существует, она выбирается в соответствии с целями исследования. Другими словами, языковую личность можно представить как объемную модель, определяемую с позиций языкового сознания и речевого поведения. Модель представляет собой текстовую репрезентацию в виде речевого портрета. Изучение понятия политического дискурса позволило определить его характерные черты: это речь политика, направленная на аудиторию при помощи лингвистических средств выражения и выбранных коммуникативных стратегий и тактик.
7. В современном языкознании речевой портрет называют функциональной моделью языковой личности, совокупностью языковых и речевых характеристик коммуникативной личности

или определённого социума в отдельно взятый период существования и т. д.

8. Речевой портрет политика предполагает способ реализации когнитивно-дискурсивного подхода к анализу социокультурных особенностей специального дискурса, в нашем случае - политического. На лингвокогнитивном уровне актуализируются лингвистические знания и представления, формируется когнитивное пространство индивидуального и коллективного языкового сознания. Другими словами, данный уровень в понятиях, идеях и концептах отражает индивидуальную языковую картину мира личности.
9. В настоящее время в лингвистике наблюдается интерес к теме изучение речевых портретов известных политиков. Сама политическая лингвистика и политический дискурс непосредственно связаны с завоеванием и удержанием политической власти в обществе. Анализ политического дискурса позволяет раскрыть, каким образом осуществляется речевое воздействие на общественное сознание, какие речевые стратегии и тактики использует политик для достижения собственных целей, каким образом происходит манипуляция сознанием людей.
10. Речевое портретирование политиков осуществляется в рамках и на пересечении ряда наук — социолингвистики, лингвокультурологии, прагматики, риторики и др. — и является характеристикой разных уровней реализации языковой личности. Отсюда можно представить речевые портреты ведущих политиков как России, так и всего мира.
11. Модель описания речевого портрета политика базируется на трех уровнях: лингвокогнитивном, связанном с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности;

коммуникативном, раскрывающим на базе понятий речеповеденческих стратегий и тактик, индивидуально-речевом, опирающийся на понятие речевой компетенции личности.

Глава 2. РЕЧЕВОЙ ИМИДЖ Д.ТРАМПА И В.В.ПУТИНА В ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

2.1. Лингвокогнитивный аспект анализа речевого имиджа В.В.Путина и Д.Трампа

Сферой исследуемой нами деятельности является политика. Целью общения любого политика является проведение определенной идеологии. Примечательно, что на разных этапах В.В.Путин высказывает различные точки зрения по поводу российской национальной идеи:

1. Конкурентоспособность: *"Нам нужно быть конкурентоспособными во всем. Человек должен быть конкурентоспособным, город, деревня, отрасль производства и вся страна. Вот это и есть наша основная национальная идея сегодня".*

Путин. 12 февраля 2004

<http://www.sova-center.ru/democracy/news/archive/de-liberal/2004/02/d1734/>

2. Морально-нравственные ценности: *«А у нас с вами, в России, есть ещё такая старинная русская забава - поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом небесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и - бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам.*

Но, думаю, многие согласятся со мной в том, что, решая стоящие перед нами задачи и используя при этом всё самое современное, всё самое новое, генерируя эту новизну, мы вместе с тем должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю. Только в этом случае мы сможем правильно определить ориентиры развития страны. И только в этом случае нас ждёт успех».

Путин. 26 апреля 2007.

http://www.zlev.ru/153/153_30.htm

3. **"Сбережение народа"**: *Несколько лет назад Путин сказал, что национальная идея страны – это конкурентоспособность во всем. Теперь, отвечая на вопрос российского журнала VIP-Premier о национальной идее, он заявил, что это сбережение народа. В интервью изданию Путин сказал: "Мне очень часто задают этот вопрос, и я позволю себе повториться и процитировать Александра Солженицына, который однажды назвал нашей национальной идеей "сбережение народа". В этой фразе, собственно, и заключена главная цель современной России, всех преобразований, которые происходят в экономике, социальной сфере, общественной и политической жизни".*

01.06.2011

<http://newsland.com/news/detail/id/712314/>

Основа идеологической платформы Д.Трампа заключается в двух лозунгах, которые сопровождали его избирательную кампанию: *«Вернем Америке ее величие!»* и *«Америка прежде всего!»*. 1-й лозунг представляет взгляды Трампа на положение дел в США на тот момент, а 2-й определяет пути достижения этого величия. Вместе данные лозунги позволяют очертить контуры политического видения президента о месте Америки в мире.

«Идеология может быть выражена через стратегию акцентирования и недооценки, которая создает позитивную саморепрезентацию и негативную другую репрезентацию. В дополнение к местоимениям «мы» и «они», эта стратегия может быть реализована через выбор значения и формы. При построении значения, темы, локальных значений или лексики могут быть выбраны для выделения отрицательных или положительных качеств *нас* или *их*. Например, Трамп использует некоторые из этих стратегий в следующей строке в отношении Мексики: *«Они стали насильниками»*. В этом представлении Мексика находится в группе местоимением «они» и помечена отрицательно заряженной лексикой *«насильники»*.

Кратко остановимся на речевом имидже, который создал в своих выступлениях американский президент Д. Трамп.

Исследуя речи этого политика, можно понять, каким образом Д. Трамп в своих выступлениях ориентируется на традиционные американские ценности, в то время как Х. Клинтон, например, ориентирует своих избирателей на глобальные ценности (global values).

Рассмотрим, каким образом в выступлениях Д. Трампа реализуется принцип экспансионизма. В отличие от своих оппонентов Д. Трамп ориентируется на традиционную систему ценностей, существующую в американском обществе. Данная стратегия позволяет ему привлечь на свою сторону большое количество избирателей, так как именно уход от традиционных ценностей породил в современном американском обществе большое количество серьёзных проблем: насилие, рост преступности, наркоманию, распад семьи и т.д. Возвращение к традиционным ценностям, напротив, гарантирует стабильность и безопасность в обществе. В основе всех традиционных американских ценностей лежит свобода, в том числе и свобода выбора. В ноябре американцы сделают свой выбор, от которого, как утверждает Д. Трамп, зависит будущее страны: “It’s the choice between certain decline, or a revival of America’s promise” [Трамп].

Одной из базовых традиционных ценностей американского общества является патриотизм, любовь к Родине, к своей стране. Обращение к нему красной нитью проходит во всех выступлениях Д. Трампа. Приведём примеры: “My agenda will be accomplished through a series of reforms that put America first” [Трамп]; “Ladies and Gentlemen, we will make America Great again” [Трамп]. Идею патриотизма подчёркивают в своих выступлениях и сторонники Д. Трампа, например, конгрессмен Дж. Лайтфут (James Lightfoot): “He (D. Trump) wants to bring this country back together and build us back to the greatest country on the globe” [Трамп]. Сильная Америка – приоритет будущей внешней политики Д. Трампа: “America First will be the

major and overriding theme of my administration” [Трамп].Идея сильного национального государства озвучена для друзей и союзников: “To all our friends and allies, I say America is going to be strong again” [Трамп].

Идея сильной Америки транслируется и для стран, которые враждебно относятся к США, но, по мнению Д. Трампа, сильное государство должно решать международные конфликты, используя, прежде всего, дипломатические методы, а не военные действия: “Unlike other candidates for presidency, war and aggression will not be my first instinct. A superpower understands that caution and restraint are signs of strength” [Трамп].

Д. Трамп выступает за сильное национальное государство, считая, что именно национальное государство, а не всевозможные международные объединения и союзы, может стать основой процветания страны. Он резко осуждает политику глобализации: “The nation-state remains the true foundation for happiness and harmony. I’m skeptical of international unions that tie us and bring America down” [Трамп]; “We will no longer surrender this country or its people to the false song of globalism” [Трамп]. Америка снова должна стать страной «для американцев», государством, которое защищает интересы простых американских граждан, а не иммигрантов: “Under a Trump administration, no American citizen will ever feel again that their needs come second to the citizens of foreign countries” [Трамп].

Взывая к патриотическим чувствам американцев, Д. Трамп указывает на исторические корни нации, обращаясь к её истокам, к прошлому, где есть чем гордиться: “We will not apologize for becoming successful again, but will instead embrace the unique heritage that makes us who we are” [Трамп].

Одной из базовых американских ценностей является развитие, прогресс (progress and change). Изменения, по мнению Д. Трампа, должны затронуть все сферы современного американского общества и, прежде всего, экономику. Он резко критикует Б. Обаму за то, что тот разрушил угольную и нефтедобывающую промышленности в стране, что привело к резкому сокращению рабочих мест, к увеличению безработицы, к обнищанию

населения: “President Obama has done everything to kill coal industry” [Трампа]. Именно развитие энергетической промышленности в стране является, по мнению Д. Трампа, первоочередной задачей для США: “American energy dominance will be declared a strategic economic and foreign policy goal of the United States” [Трампа]. Значительные перемены планируются и во внешней политике страны. Данные изменения должны снова возродить былое могущество Америки, которое, по мнению Д. Трампа, было утрачено во времена Б. Обамы: “Our foreign policy is a complete and total disaster. No vision, no purpose, no strategy” [Трампа].

Выделенные концепты указывают на то, что Д. Трамп ориентируется на традиционные ценности, существующие в американском обществе. При анализе деятельности современной правящей элиты политиком используется концепт «разрушение».

Успешное сочетание содержательной и коммуникативной составляющих в модели данной речевой личности приводит к тому, что предвыборные выступления позволяют Д. Трампу привлечь на свою сторону значительное количество избирателей.

2.2. Коммуникативный аспект анализа языковой личности(коммуникативные стратегии В.В.Путина и Д.Трампа)

Коммуникативные уровни речевых портретов изучаемых нами политических деятелей реализуется через умения классифицировать ситуации речи и в соответствии с компонентами ситуации (сфера деятельности, позиции коммуникантов, цель общения) строить текст. Данный уровень включает цели, мотивы, интересы, установки языковой личности.

В данном параграфе при изучении коммуникативного аспекта анализа языковой личности В.В.Путина и Д.Трампа мы представим ключевые

тактики и стратегии, направленные на достижение целей удержания власти, оправдания поддержания деловой репутации и доверия населения страны.

Кроме того, на данном уровне исследуются понятия, идеи, концепты, используемые в речи политика. Данный уровень представляет собой самобытность личности, ее социальные проявления, личностные компетенции. Личность политика прослеживается в его роли, обоснованной личными достоинствами.

Коммуникативный имидж связан с внешним и поведенческим имиджем. Важной составляющей коммуникативного имиджа является автоимидж. Автоимидж как одна из составляющих понятия «имидж», с одной стороны, и как разновидность имиджа, с другой, представляет собой образ, сложившийся в сознании индивида, отражающий представления личности о своем собственном «я». Автоимидж определяется как «национально и гендерно маркированный образ «Я», сложившийся в сознании индивида как собственно личности, так и представителя института» [Даулетова 2004: 199-205]. Он является одной из составляющих понятия «имидж», однако, взятый в качестве основного объекта исследования, он приобретает глубину, многогранность и автономность, что выражается в его уникальной структуре (3 компонента: «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное») и вербальных средствах его выражения.

Основные тактики информирующей речи ярче всего проявляются в рамках информационно-интерпретационной стратегии, поскольку в этом случае как раз и преобладает та концептуальная направленность в подаче информации, которая и обеспечивает успех информирования в целом.

Особенности информационно-интерпретационной стратегии нагляднее всего проявляются в такой особой разновидности интервью, как «прямая линия», в которой принимают участие крупные политические деятели.

Тактика признания существования проблемы используется, как правило, в ответной реплике диалога, когда относительно вопроса, затрагивающего «острую» проблему, В. В. Путин использует речевые средства

подтверждения этой проблемы, признающие, что она существует, *имеет место быть, есть*:

Такая проблема существует (В.В. Путин) [«Прямая линия»];

Тактика акцентирования положительной информации.

Выражается явно через использование слов с положительной оценочностью. Их много в текстах политических лидеров, находящихся у власти, когда они обращаются к демонстрации успехов в экономической, социальной сферах, достигнутых под их руководством. Например, в тексте вступительного слова В.В. Путина на «прямой линии»:

Этот год был у них (тружеников сельского хозяйства) значительным /рекордным //урожайность на сто гектар является рекордной // рост доходов имеет тенденцию с прошлого года устойчивую// можно сказать что уходящий / две тысячи первый год / был для нас удачным// [«Прямая линия», 18.12.2001].

Другими наиболее часто встречающимися средствами выделения информации являются такие критерии оценки, как «важность», «основной», «главный», а для тактики акцентирования положительной информации всегда характерно выражение одобрения политика по отношению к сообщаемым фактам.

Наблюдения показали, что акцентирование положительной информации, опора на ценностные приоритеты (критерий «хорошо») ориентированы не только и не столько на сообщение информации, сколько на речевое воздействие на адресата. Интерпретация политиком реалий действительности часто направлена на нейтрализацию негативного представления адресата.

Тактика разъяснения — другой необходимый компонент реализации информационно-интерпретационной стратегии. Разъяснение необходимо потому, что адресант должен учитывать отсутствие нужных фоновых знаний у собеседника и поэтому не должен ограничиваться простой констатацией факта, простой оценкой информации, но сопровождает свой

ответ или выступление дополнительной информацией.

Характерной чертой разъяснения является наличие двух основных звеньев цепочки: того, что требуется разъяснить, и собственно разъяснения. Первое звено разъяснения не всегда может быть выражено в тексте явно, но оно должно находиться в общем поле зрения собеседников. Разъяснение часто обращено в прошлое: сообщается, как случилось, что данное положение дел имеет место. На речевом уровне тактика разъяснения реализуется в этом случае глаголами в форме прошедшего времени: *А что касается учителей / то в этом году мы только что приняли решение / с первого января оно вступит в силу / с тем чтобы поднять ряд вопросов в этой сфере на государственный уровень / на уровень региона Российской Федерации по зарплате и по техническому оснащению школ // (В.В. Путин)*

Интерпретация осуществляется и с помощью **тактики рассмотрения информации под новым углом зрения.**

В этом случае говорящий (адресант) хочет предложить новый взгляд на обсуждаемую проблему, некоторый новый аспект рассмотрения проблемы, который (по сверхзадаче) заставил бы адресата пересмотреть ранее вынесенные суждения:

Думаю что 7 лет / это совсем многовато // Есть и другая составляющая этой проблемы//Вы знаете я сам думал тоже над этим/ и получается что мы хотим достичь стабильности путем подрыва Основного Закона государства / Конституции // Как только начнем править Конституцию / это уже путь к какой-то нестабильной ситуации// Вот стоит только начать/ потом не остановиться будет // ((В.В. Путин)

Тактика указания на путь решения проблемы, она предполагает использование определенных приемов:

1. Указание на возможные решения. Например:

...вместе с тем государство/и конечно РАО ЕЭС прежде всего правительство ... намерено осуществлять ряд программ / которые будут

развивать эту сферу...нам систему здравоохранения, так же как и систему образования, нужно приспособлять ... к новым условиям (В.В. Путин)

Тактика обещания на речевом уровне реализуется с помощью слов: обещаю, гарантирую, приложу все силы и т.д. *С 2012 года государство станет помогать таким начинаниям: на федеральном уровне и во многих регионах приняты программы поддержки социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций»* (В.В. Путин, 2011 год).

С тактикой обещания связана тактика призыва: она обычно следует после обещаний и завершает текст выступления. На речевом уровне она представлена глаголами в форме повелительного наклонения: *«Научим друг друга уважать установленные правила, научимся сами вести себя прилично - вынудим к тому же и других»* (В.В. Путин, 2000 год);

Тактика угрозы, в которой, как правило, «вербализуется информация о негативных последствиях, ожидающих противную сторону...» [Михалёва 2016: 52], например: *Тогда, уважаемые друзья, и лагеря для беженцев строить не придется. Поток людей, вынужденных покинуть родную землю, буквально захлестнул сначала соседние страны, а потом и Европу.* (В.В. Путин).

Тактика размежевания с представителями предшествующей власти и сходная с ней тактика – «я не такой как...», заявляющие о самостоятельности, индивидуальности данной языковой личности; во-вторых, тактика кооперации с представителями вышестоящих органов власти, в частности с Президентом РФ. На вербально-семантическом уровне данному типу личности присуще использование в речи официально-деловой лексики, канцеляризм, клишированных выражений (принципиально / крайне важно), статистических данных, оперирование лексемами, входящими в тематическую группу «государство»: государственная власть, руководящие посты, единая страна, Законодательное собрание, регион. Речь наполнена национально-значимым содержанием: это и образ Российской

государственности, сильной централизованной власти; и образ многоконфессиональной России – единой семьи народов; и образ стремительно развивающегося региона, на который возлагаются огромные надежды; и образ города, традиции которого сохраняются, несмотря на новые проекты его застройки. Таким образом, имидж – это долговременная инициативная коммуникативная роль, которую «играет» человек для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания интереса к личности, получения выборной должности и т.д.

В свою очередь использование социоморфной метафоры с преобладанием понятийной сферы «Война» помогает найти соратников среди избирателей и прочно закрепить свою кандидатуру на выборах. распределим согласно классификации А.П. Чудинова на антропоморфные, природоморфные, социоморфные и арте фактные метафоры.

1 «Every woman lied when they came forward to hurt my campaign...» [New York Times: Oct. 2016] – может быть переведено, как «Каждая женщина лгала, когда они пришли, чтобы навредить моей кампании...». Яркий пример использования антропоморфной метафорической модели. Дональд Трамп использует глагол «to hurt» (ранить), который является ключевым концептом понятийной области «Болезнь». Проведя дефиниционный анализ глагола, мы выяснили, что в данном случае он употреблён в значении «to cause pain» (причинять боль). Также в данном примере мы можем наблюдать наделение неодушевлённого предмета «campaign» физическим чувством, чувством боли. Употребление данной метафоры позволяет вызвать чувство сострадания и сочувствия у электората, заручиться их поддержкой, а также настроить избирателей против кампании соперников, которая использует нечестные методы борьбы.

2. «Not only will the TPP undermine our economy, but it will undermine our

independence» [The Usa Today: Sept. 2016]. – «Транстихоокеанское партнерство не только подорвет нашу экономику, оно подорвет нашу независимость». В метафорах «to undermine our economy» (подрывать экономику) и «to undermine our independence» (подрывать независимость) лексема «undermine» берется в самом общем смысле, а именно «to make someone or something less confident or less powerful» (делать что-то или кого-то менее уверенным или слабым). Слот «undermine» (подрывать) относится к понятийной сфере «Война», которая может представлять криминальную или военную метафору. Таким образом, делаем вывод о том, что мы встречаемся с социоморфной моделью политической метафоры. Трамп использует её в своей речи, чтобы как можно ярче отразить факт того, что последствия Транстихоокеанского сотрудничества могут стать разрушительными для независимости, а также экономики Америки.

«Pittsburgh played a central role in building our nation» [The Guardian: Jul. 2016] – «Питтсбург сыграл важную роль в построении нашей нации». В данной цитате наше внимание привлекла метафора «in building our nation» (в построении нашей нации). Речь идёт о проектах «Возрождение» и «Возрождение-2», которые были запущены в Питтсбурге и направлены на культурное развитие, а также на защиту окружающей среды города и пригородов. Используемая метафорическая модель помогает политику подчеркнуть факт того, что вышеупомянутые проекты послужили хорошим толчком для формирования культурных ценностей людей, а также поспособствовали привитию любви к природе. Рассматриваемая метафора отражает понятийную сферу "Дом (здание)". Такой концепт как «building» (стройка) является индикатором данной сферы. В этом случае политические реалии представляются как предметы, созданные трудом человека, а значит перед нами артефактная концептуальная метафора.

Today, we import nearly \$800 billion more in goods than we export. It is

politician made disaster» [The Time: June 2016] – «В настоящее время мы импортируем товаров стоимостью почти на 800 миллиардов долларов больше, чем получаем. Это катастрофа, устроенная политиками».

В приведённом выше высказывании речь идёт о том, что стоимость ввозимых товаров, иначе говоря, тех товаров, которая страна покупает, не окупается тем, что вывозится и продаётся за её пределы. Особое внимание уделяется тому, что это катастрофа, устроенная политиками. Использование метафоры «it's disaster» (это катастрофа) помогает ему подчеркнуть масштабы и серьезность проблемы. Рассматриваемая метафора является социоморфной. Мы можем сделать такой вывод, исходя из того, что лексическая единица «disaster» (катастрофа) является индикатором понятийной сферы «Война».

«The Transpacific-Partnership would be the deathblow for American manufacturing» [Business Insider: Sep 2016] – «Транстихоокеанское партнёрство станет смертельным ударом для американского производства».

Здесь наше внимание привлекает лексическая единица «deathblow» (смертельный удар), используемая в прямом значении. Она является составляющей понятийной сферы «Война». Соответственно, в данном случае мы имеем дело с социоморфной моделью политической метафоры. Использование данной метафоры обуславливается намерением говорящего в красках описать опасность транстихоокеанского партнёрства для экономики Соединённых Штатов Америки.

«Rhetorical walls will be built» [New York Times: May 2016] – «Будут построены словесные стены».

Метафора «to built rhetorical walls» (строить словесные стены) может быть рассмотрена нами в значении «создавать препятствия в общении». Она помогает кандидату в президенты подчеркнуть то, что отношения между сторонами будет затруднено. Слот «walls» (стены) является составляющим понятийной сферы «Здание», а значит перед нами артефактная метафора.

«Mr Cruz has employed deceitful tactics to undermine his rivals» [New

York Times: Feb. 2016] – «Круз использовал обманную тактику, чтобы ослабить своих соперников».

В данном контексте для того, чтобы описать тактику по устранению соперников используется концепт «undermine» (подрывать). В метафоре «to undermine his rivals» лексема «undermine» берётся в самом общем смысле, а именно «to make someone or something less confident or less powerful» (делать что-то или кого-то менее уверенным или слабым). Употреблённый Трампом глагол относится к сфере-мишени «Война», из чего мы делаем вывод, что была употреблена социоморфная метафора.

«Marco Rubio and Ted Cruz are battling hard to emerge as a candidate...» [Washington Post: Feb. 2016] – «Марко Рубио и Тед Круз упорно борются за то, чтобы стать кандидатами».

Метафора «to battle hard» (упорно бороться) описывает противостояния Марко Рубио и Теда Круза. Последние были выдвинуты от одной партии с Д.

Трампа как кандидаты на участие в выборах 2016 года, но Д. Трамп одержал победу. Упомянув об этом, политик поднимает свой авторитет в глазах электората, обращая внимание народа, что в одном из соревнований он уже оказался победителем. Концепт «battling» (бороться), являющийся наиболее точным для описываемой ситуации, отражает исходную понятийную сферу «Война», а значит, как и в вышеописанном примере, мы снова имеем дело с социоморфной метафорой.

Итак, проведя анализ 15 метафорических моделей, которые Дональд Трамп в своих речах, можно сделать следующие выводы:

- политик в большей степени склонен к использованию в своей речи антропоморфной модели политической метафоры (понятийные сфера «Анатомия и физиология»),
- в рамках антропоморфной метафорической модели частотно сравнение неодушевлённых предметов с одушевлёнными предметами;

- социоморфные модели используются наряду с антропоморфными (понятийная область «Война»);
- достаточно высок процент частотности использования политиком артефактной модели (понятийные области «Дом», «Механизм»);
- реже всего Д. Трамп прибегает к использованию натуроморфной метафоры, представленной понятийной областью «Неживая природа».

Наиболее частотными для обоих политиков является использование антропоморфной и социоморфной метафорических моделей. Различие лишь в том, что в пределах данного типа моделей Владимир Путин чаще прибегает

к использованию таких понятийных сфер как «Семья», «Анатомия» и «Война», а Дональд Трамп не затрагивает сферу «Семья». Также характерной чертой обоих политиков является отождествление неодушевлённых предметов и одушевлённых, наделения качествами и свойствами вторых первыми.

Редкое использование природоморфной метафоры – ещё одно и не последнее сходство коммуникативной стратегии политиков. Данная метафорическая модель в речи В. Путина и Д. Трампа представлена понятийной сферой «Неживая природа».

Сфера-мишень «Дом» используется обоими политиками и является индикатором артефактной метафоры, которая имеет место в дискурсе рассматриваемых нами политиков.

Давыборец Е.Н. Имидж Дональда Трампа в президентской предвыборной кампании// Ойкумена. 2017. № 2-с.136-143. <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-donald-trampa-v-prezidentskoy-predvybornoy-kampanii>.

В статье исследуется имидж Трампа как важнейший фактор его электоральной поддержки и победы на выборах. Большую роль в процессе имиджирования сыграл сам Дональд Трамп, благодаря личностным и лидерским качествам, а также своей финансовой независимости. Изучаются

стержневые характеристики имиджа, формированию которых была подчинена предвыборная кампания кандидата. Особое внимание уделено предвыборной программе, которая удачно резонировала с общественными настроениями, затронув интересы всего общества, предлагая оригинальные решения внутренних и внешних проблем американцев.

Под имиджем политического лидера будем понимать устойчивый и эмоционально окрашенный образ, сформированный кандидатом и его командой посредством рациональных и манипулятивных политических технологий через различные каналы трансляции информации [1, с. 22–23]. 1.

Давыборец Е.Н. Политический имидж: от лидера к государству: Монография. – Владивосток: Дальневост. федер. ун-т. 2015. 169 с

Для того чтобы быть более убедительным, он в своих речах широко применял приём гиперболизации, представляя всё, что происходит «худшим», «ужасным», «кошмаром», «катастрофой» и т.д. Тем самым его обращения к гражданам получились яркими, не оставляющий американцев равнодушными. Трамп буквально говорил о том, что страна под руководством лиц, занимающих властные посты, движется к своему концу: «Это борьба за выживание нашей нации. И это будет последний шанс спасти её». «Единственная сила, имеющая возможность спасти нашу страну – это мы. Люди достаточно смелые, чтобы проголосовать против этой коррумпированной системы и элиты». Себя он «рисовал» лидером, который спасёт Америку и поможет согражданам. Речи Трампа также были наполнены патриотизмом, воспеванием «великой Америки»: «Наша великая цивилизация подошла к итоговому моменту», «Мы сделаем Америку вновь великой!». Привлекательной чертой Трампа явилось также то, что он предстал перед избирателями как живое воплощение американской мечты, так притягательной большинству американских граждан. Кандидат, ассоциирующийся с данной идеологической ценностью, имеет позитивное восприятие. Для того чтобы вписаться в эту «сказку», Трамп рассказывал,

что имеет богатых родителей, но всего достиг сам. Получив от отца минимальную стартовую сумму, он много работал, неоднократно терпел бедствия, но не сдавался и шёл к своей мечте

Большое внимание Трамп уделил проблемам экономики государства: его огромному долгу, вопросам создания рабочих мест путём возвращения ряда производств в Америку, проблеме социального иждивенчества и пр.

В некоторых своих взглядах Трамп выражал резкие позиции, что не нравилось одной части избирателей, но было встречено с пониманием другой его частью. Среди них были вопросы, связанные с национальной безопасностью – иммиграцией, террористической угрозой. Так латиноамериканские избиратели были встревожены его заявлениями о строительстве стены на границе с Мексикой. Но другая часть американцев, вслед за лидером, отнеслась к таким мерам с пониманием, как необходимым для обеспечения национальной безопасности. Трамп высказал новые взгляды по направлениям внешней политики, считая необходимым сократить расходы на помощь союзникам и расширение американского присутствия в мире, на что тратятся огромные деньги государства. Лидер высказывался за «американизм, а не глобализм», предлагая данный лозунг в качестве политического кредо. Он предложил проводить политику мирного сотрудничества между государствами, без вмешательства в их внутренние дела. Тем самым была предложена давно забытая политика разрядки международной напряжённости. Избиратели Трампа поверили, что величие Америки не зависит от её вездесущего присутствия в мире

Понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком – с языковой личностью, прототипом носителя определенного языка. Предметом анализа в первом случае (коммуникативный имидж) являются стратегии и тактики речевого поведения и те коммуникативные роли, которые реализуются с помощью речевых стратегий и тактик; во втором случае (речевой портрет) –

вербально-семантические, тезаурусные, мотивационно-прагматические особенности речевого поведения человека. Как при анализе коммуникативного имиджа, так и при анализе речевого портрета востребованными являются методики континент, дискурс-анализа, психолингвистические методики.

2.3. Индивидуально-речевой аспект анализа языковой личности политиков

Речевое поведение каждой личности индивидуально. Оно представляет собой основу речевой культуры человека, отражает его психологию, определяя некоторые свойства человеческого характера. Г. Г. Матвеева также отмечает, что речевой портрет может быть как индивидуальным, так и коллективным. Индивидуальный речевой портрет отражает характеристики отдельной языковой личности. Создание речевого портрета возможно и в политической сфере общения.

Языковая личность включает в себя три уровня, которые помогают в создании речевого портрета: вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный или прагматический.

Первый уровень отражает владение лексикой и грамматикой языка. Это может помочь нам составить представление о том, насколько та или иная личность образована, насколько богат ее лексический запас. На этом этапе анализируются слова, словосочетания, используемые языковой личностью. В спонтанно произнесенной речи отсутствие ошибок указывает на то, что автор не новичок в ораторском искусстве.

Второй уровень дает нам информацию об интересах и просвещенности личности (использование специальной терминологии, профессиональных жаргонизмов). На этом уровне отражается система знаний отдельной

личности о мире. Анализу подвергаются речевые обороты, разговорные формулы.

Третий уровень относится к содержательной стороне речи. На этом уровне формируются цель и идея выступления. Здесь мы можем увидеть мотивы, цели, установки, коммуникативные роли, которые характерны для языковой личности в процессе коммуникации. Таким образом, анализируя речевой портрет языковой личности, можно выделить следующие характеристики: общий уровень образования и культуры (синтаксис, стилистика, употребление фразеологизмов, идиом и т.д.); уровень владения языком (грамматика, фонетика, лексика); уровень профессионализма; социальный и семейный статус; пол, возрастные характеристики, место происхождения.

Политическая риторика является сложным речевым образованием, для которого характерно следующее: 1) статусная и ролевая природа речевого поведения политика; 2) следование требованиям официальной коммуникации; 3) выполнение различных функций: регулятивной, познавательной, функция конструирования общественного мнения; 4) взаимосвязь устной и письменной формы речи; 5) определенная тематическая принадлежность; 6) широкие возможности коммуникации президента как субъекта речевого действия.

Понятие «Президент». О. Н. Гришаева в своей работе попыталась описать этимологию лексемы президент: восходит к латинскому *praesidens* (председательствующий, глава); *praesidere* (восседать впереди, председательствовать).

В античные времена при употреблении слова президент имелись в виду лица, занимающие пост председателя на собраниях. Таким образом, этимология этого слова с самого начала была связана с политикой [Там же]. В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова можно обнаружить следующую информацию: 1) глава государства в буржуазной республике; 2) глава, руководитель, председатель учреждения или общества [9].

Практически во всех словарях лексема президент имеет два значения, и речь идет либо о главе государства, либо о руководителе организации, научного общества.

Глава государства – первое лицо, олицетворяющее символ государственности. Во втором случае это выборный руководитель.

Свою речь В. Путин начинает с обращения: «Уважаемые граждане России! Дамы и господа! Дорогие друзья!» [2]. Изменение словосочетания «уважаемые граждане» к концу обращения на «дорогие друзья» сокращает дистанцию с аудиторией.

В первой инаугурационной речи Дональд Трамп определяет роль президента, отталкиваясь от традиционного субъекта власти в Америке – народа: Today we are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the American People [10]. / Сегодня мы передаем власть из Вашингтона, и отдаем ее вам, гражданам Америки (здесь и далее перевод автора статьи. – П. А.).

В данной связи мы можем отметить безусловную речевую индивидуальность, которая выражается в строгой аналитической манере выражения мысли, в предпочтительном выборе книжной речи, совмещенной с развернутостью изложения.

Как известно, речевая индивидуальная манера – это сложившаяся речевая компетенция языковой личности под влиянием жизненного опыта и образования, которая наименее подвержена внешнему влиянию и варьированию.

В рамках установок исследуются стратегии коммуникации и тактики речевого поведения языковой личности. Все эти компоненты проявляются в процессе порождения текстов и их восприятия.

Языковая личность – это объемная содержательная структура, которая тождественна самой сущности человека говорящего. Создать ее адекватную модель – сложнейшая задача, так разнообразен языковой потенциал, так неочевидны внешние и внутренние речевые взаимосвязи, так разнородны

диалоговые функции. Речевой имидж на таком фоне – более поверхностное образование. Это как бы внешняя часть языковой личности, ее «фасад», открытый для всеобщего обозрения – для пристрастного изучения любого индивида и заинтересованного взгляда целого коллектива. Именно поэтому «правильному» речевому поведению уделяют так много внимания публичные субъекты: политики, бизнесмены, звезды шоу-бизнеса, знаменитые спортсмены. Не может не ориентироваться на него в своей общественной жизни и рядовой человек.

Рассмотрим индивидуально-речевые аспекты анализов языковой личности В. Путина и Д. Трампа.

В данной связи мы можем отметить безусловную речевую индивидуальность, которая выражается в строгой аналитической манере выражения мысли, в предпочтительном выборе книжной речи, совмещенной с развернутостью изложения.

Как известно, речевая индивидуальная манера – это сложившаяся речевая компетенция языковой личности под влиянием жизненного опыта и образования, которая наименее подвержена внешнему влиянию и варьированию.

Так, заключая инаугурационную речь, американский избранник акцентирует внимание на будущем процветании Америки. Он благодарит американскую нацию и как это принято, обращается к всевышнему God bless you. And God bless America! Д. Трамп как бы «передает» власть в руки народа, его мысль ясна: отныне американцы будут сами принимать решения и все действия будут свершаться сначала для американцев, а уже после будет оказана помощь другим странам. Речь Трампа, скорее, агрессивна и категорична, он обещает стереть с лица земли терроризм и искоренит ту несправедливость, к американцам которая существовала до того дня, как его избрали президентом страны. В. Путин заканчивает речь обещанием сделать все, что в его силах, чтобы Россия стала успешной страной. Его речь заключается в призыве к участию всех и каждого в построении будущего России; вопреки

трудностям, выпавшим на долю русского народа, следует «двигаться вперед». Также подчеркивается приоритет в экономическом, социальном развитии внутри страны. В целом следует отметить, что при разных способах выражений и методов обе речи интерпретируются одинаково; цели и задачи президентов – привести страну к процветанию и сделать нацию счастливой. Данный анализ лингвистических средств позволяет вникать в политическую реальность, реалии современности.

Поскольку прецедентные феномены, как правило, являются известными фактами для представителей лингвокультурного сообщества и могут составлять его когнитивную базу, то мы можем говорить о некоторой доле стереотипизации политического дискурса. В приведенном выше примере прецедентный феномен, а именно прецедентная ситуация, выполняет экспрессивную функцию (служит усилению высказывания). Инаугурационные выступления обоих политиков заканчиваются религиозной темой. Поскольку американская нация достаточно религиозна, то тема религии не остается незамеченной в речах политических лидеров.

Речевой портрет играет важную роль в политической коммуникации. Он отражает речевую культуру политика, его личностные качества. Языковая личность и речевой портрет находятся в тесной взаимосвязи, так как речь и язык взаимообусловлены. Президент – лицо, обладающее высшей государственной властью, несущее ответственность за свои решения перед народом. Основными топосами обращений Дональда Трампа и Владимира Путина являются: негативный опыт прошлого; процветание страны в будущем; единство нации; равенство; новые реформы. Наиболее яркими стилистическими средствами в выступлениях обоих президентов выступают следующие: метафора, категоричность, контраст, эпитеты, прецедентные феномены.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Публичные выступления В. Путина и Трампа проанализированы на основе разработанной нами модели речевого портрета политика согласно базовой модели описания речевого поведения. Наша модель базируется на трех уровнях с несколькими составляющими на каждом уровне с учетом лингвокультуры и теоретических изысканий ученых, описанных выше:

1. Лингвокогнитивный уровень, связанный с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности. Сюда вошли идеологические установки личности политика, концепт власть, концепт общество, концепт экономика, реализуемые в его речи. Все эти концепты были последовательно описаны нами в речи данного политика.

2. Коммуникативный уровень, раскрывающийся на базе понятий речеповеденческих стратегий и тактик. В данном ключе мы рассматривали следующие ведущие коммуникативные стратегии: стратегия самопрезентации, стратегия дискредитации, стратегия самозащиты, агитационная стратегия. Раскрытие данных стратегий политика в его коммуникации позволяет выяснить его коммуникативное намерение, установки, цель и т.д.

3. Индивидуально-речевой уровень, опирающийся на понятие речевой компетенции личности.

Укажем, что первоначальные уровни речевых портретов языковой личности В. Путина и Д. Трампа заключается в том, что их речь характеризуется четкостью, институциональностью и эксплицитностью.

В лексических средствах они часто использует метафоры, образные сравнения, яркие примеры, он усиливает свою речь повторами, часто присутствует положительная эмоционально-экспрессивная лексика. Лексические единицы, используемые политическим лидером, изобилуют метафорами.

Тезаурусы государственного деятеля и политический тезаурус показывают, что аргументируя свои политические воззрения, политик отдает предпочтение простым предложениям, хотя нередко использует и сложные конструкции, а также используют как активный, так и пассивный лексикон. Последний включает в себя эмоционально-экспрессивную лексику. Кроме того, он выражает собственное отношение к ситуации.

Анализ речевого портрета языковой личности показывает ярким, самобытным и очень компетентным политиком. Занимая высокий пост, он не отделяется от своего народа, ценит его историю и культуру. Когнитивная языковая система политика ориентирована преимущественно на универсальные ценности (добро, честь, сплоченность, любовь к стране и др.), Внедряя свою идеологию, он стремится к инновационным изменениям, к повышению благосостояния народа.

Речевой портрет политика реализуется через умения классифицировать ситуации речи и в соответствии с компонентами ситуации (сфера деятельности, позиции коммуникантов, цель общения) строить текст. Коммуникативное поведение способствует культивированию универсальных ценностей, чего политик достигает посредством выработанной системы стратегий и тактик. В коммуникативных стратегиях и тактиках интервью основными установками политиков являются забота о благосостоянии народа, стремление показать единство правительства страны и народа, стремление к сотрудничеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования была достигнута цель, для чего выявлены, описаны и определены основные языковые средства, реализуемые в текстах В. Путина и Д. Трампа с учетом разработанной модели.

Поэтапно мы это сделали в связи с поставленными задачами.

При реализации первой задачи (проанализировать современные теории понимания сути феноменов «языковая личность», «речевой портрет», «речевой портрет политика», «политический дискурс») была выявлена взаимосвязь между понятиями «языковая личность» и «речевой портрет», а именно: языковая личность - это способности и возможности человека, которые обуславливают создание им дискурсов, а речевой портрет - это способ комплексного изучения языковой личности. Также в рамках нашего исследования было необходимо изучить понятие политического дискурса. Его основной характерной чертой является речь политика, направленная на аудиторию при помощи лингвистических средств выражения выбранных коммуникативных стратегий и тактик.

Для реализации второй задачи нами исследовалось несколько концепций описания речевого портрета, проанализировав которые мы остановились на модели А.И. Асташовой, предполагающей наличие трех структурных уровней и включающей лингвокогнитивный, коммуникативный и индивидуально-речевой уровни.

Выполнение третьей задачи реализовано разработкой собственной модели, которая предполагает более глубокий анализ речевых портретов политиков.

Четвертая задача предполагала изучение речевых портретов языковой личности политиков которое позволило охарактеризовать их речь четкостью, институциональностью и эксплицитностью. Они четко

обозначает цель, намечает комплекс мер по ее реализации и достаточно корректно требует ее исполнения.

В своих выступлениях они используют как типичные, так и индивидуальные конструкции. К типичным можно отнести общеупотребительные конструкции – это выражение уважения к слушателям. К индивидуальным конструкциям нами отнесены - метафоры и словосочетания. Главной целью при этом является стремление привлечь внимание аудитории; в доступной, краткой форме передать сложную идею или информацию, придать эмоциональную окраску теме высказывания, построить авторское видение, помочь субъекту мыслить, формировать определенное представление о мире, усилить сенсационность сообщения, дать оценку какому-либо политическому явлению.

Все вышеперечисленное показывают ярким, самобытным и компетентными личностями. Занимая высокий пост, они не отделяется от своего народа, ценит его историю и культуру. Внедряя свою идеологию, они стремятся к инновационным изменениям.

Поведение политиков показывает, что они адекватно адаптируются в культуре страны в целом. Они открыто не проявляет эмоции, однако, всегда показывает глубокое уважение к собеседнику. В презентации основных позиций своей деятельности политик использует слова, словосочетания и выражения с экспрессивно-оценочным значением, что помогает им создавать красочный образ сложившейся ситуации, тем самым, оказывая воздействие на слушателя.

Формы обращения к народу отражают стремление показать единство правительства страны и народа в достижении целей, особенно в сложных ситуациях жизнедеятельности. Они придают своим высказываниям оптимизм и надежду на лучшее будущее.

Итак, речевой портрет политиков показывает, что они ориентированы преимущественно на универсальные ценности, такие как добро, честь, сплоченность, любовь к стране и др. В целом позволяет охарактеризовать их

как языковую личность, способную аргументировано и эмоционально убедительно призывать к действиям, определяющим дальнейшие качественные изменения в жизни общества.

Список использованной литературы

1. Айбазова Политико-психологический профиль Дональда Трампа// Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 2019 Т. 19 № 3 С. 463—471// <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/viewFile/22595/17661>
2. Асташова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен: автореф. дис. на уч. стен.канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013. – 32 с.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 104 с.
4. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации – М.: Знание, 2012. – 64 с.
5. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. док.филол. наук. – Л., 1984. 532 с.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение. – М.: УРСС, 2014. – 318 с.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2014. – 198 с.
8. Вайсгербер И.Л. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем. О.А. Радченко. – М.: Либроком, 2016. – 232 с.
9. Ван-Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. М.А. Дмитриевской, С.Н. Сухомлиновой, С.А. Ромашко, С.Ю. Медведевой, Г.Е. Крейдлина, В.С. Осиповой, О.А. Гулыги. – М.: Ленанд, 2015. – 320 с.
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание. Под ред. Т.В. Булыгиной. Пер. с польск. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 326 с.

- 11.Верещагин Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1976. – 220 с.
- 12.Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. – М.: Наука, 2104. – 360 с.
- 13.Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. Филологические науки. – 2001. – №2. – С. 64-72.
- 14.Воробьева О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. – М.: Издательство ИКАР, 2014. – 296 с
- 15.Голев Н. Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул – Кемерово, 2006. – 220 с.
- 16.Горбачева, Е.Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: монография / Е.Н. Горбачева. – Астрахань: Астраханский ун-т, 2015. – 302 с.
- 17.Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания. Моделирование реальности в пространстве разнообразия. Гуманитарные исследования общественных процессов. Материалы международной научной конференции. – М.: 2012. – С. 17-21.
- 18.Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: монография. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
- 19.Давыборец Е.Н. Имидж Дональда Трампа в президентской предвыборной кампании// Ойкумена. 2017. № 2-с.136-143.
<https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-donald-trampa-v-prezidentskoy-predvybornoy-kampanii>
- 20.Давыборец Е.Н. Политический имидж: от лидера к государству: Монография. – Владивосток: Дальневост. федер. ун-т. 2015. 169 с

21. Демьянков В.З., Азарова Н.М., Фещенко В.В. Языковые параметры современной цивилизации. – М.: Эйдос, 2013. – 560 с.
22. Денисенко, В.Н. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: Учеб. пособие / В.Н. Денисенко, Е.Ю. Чеботарева. – М.: РУДН, 2008. – 258 с.
23. Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера// <http://ecsocman.hse.ru/data/666/858/1231/006.DOROGHKINA.pdf>
24. Еремеева О.А. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм: Материалы межведомственной научно - теоретической конференции. – Харьков, 1991. – С. 434 -439.
25. Земская Е.А. История и теория русского языка. – М.: Флинта, 2014. – 896 с.
26. Иванова С.В. Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект// <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2018/01/2018-01-11.pdf>)
27. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС, 2016. – 288 с.
28. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. – М.: Высшая школа, 2014. – 152 с.
29. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2014. – 389 с.
30. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2017. – 264 с.
31. Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995. – 128 с.
32. Клобукова Л.П. Структура языковой личности на разных этапах ее формирования // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1997. – 124 с.

33. Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. – М.: Восточная книга, 2012. – 184 с.
34. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры // Язык и человек: Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. Вып. 26. – С.14 - 25.
35. Красных В.В. «Свой» среди «чужой»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2013. – 376 с.
36. Краткий словарь когнитивных терминов / В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 2016. – 248 с.
37. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – 2001. – № 2. – С. 90 - 106.
38. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук: – Саратов; СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2006. – 162 с.
39. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2013. – 280 с
40. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М.: ТетраСистемс, 2012. – 264 с.
41. Матвеева Г.Г. Идентификация социального лица говорящего: теория и практика. – М.: САР, 2017. – 256 с.
42. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Либроком, 2016. – 256 с.
43. Михальская А.К. Коммуникативные стратегии политического дискурса. – М.: Инфра - М, 2015. – 320 с.
44. Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «Языковая личность», «Речевой портрет», «Идиостиль» и «Идиолект» (на примере вебального поведения современных политических деятелей)

- https://istina.msu.ru/media/publications/article/45c/520/6886840/2014-07-02_Muhortov_D.S._Ob_obschem_i_chastnom_v_ponyatiyah.pdf
45. Николаева Т.М. Социолингвистический портрет и методы его описания. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 328 с.
  46. Осетрова Е.В. Речевой имидж. – Красноярск: СФЦ, 2012. – 104 с.
  47. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII - XX вв. – М.: УРСС, 2017. – 456 с.
  48. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. автореф. дис ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 48 с.
  49. Плещенко Т.П. Стилистика и культура речи. – М.: ТетраСистемс, 2016. – 544 с.
  50. Прохоров Ю.Е. В поисках концептга. – М.: Флинта, 2014. – 312 с.
  51. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.
  52. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... доктора филол. наук / С.А. Сухих. – Краснодар, 1998. – 257 с.
  53. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций. – Краснодар: КубГУ, 2011. – 170 с.
  54. Тарнаева Л.П. Культура и общение. – М.: Союз, 2011. – 240 с.
  55. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1987. – 300 с.
  56. Трамп Д., Занкер Б. Мысли по-крупному и не тормози! М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
  57. Узнадзе, Д.Н. Психология установки / Д.Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
  58. Чернявская В.Е. дискурс власти и власть дискурса. – М.: АСТ, 2016. – 136 с.

59. Чигридова Н.Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных писем: дис. на соиск. степ.канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1999. – 44 с.
60. Чубай С. А. Диалогичность современной политической рекламы: автореф. дис. на соиск. степ.канд. филол. наук: – Волгоград, 2007. – 28 с.
61. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2016. – 212 с.
62. Я - политик! Речь Д. Трампа / <https://www.politforums.net/usa/1484070793.html>

Приложение

Н.А.ЗИНКОВ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТОВ В. ПУТИНА И Д. ТРАМПА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.

В условиях современного, динамически изменяющегося глобального политического пространства возрастает роль политической коммуникации и ее стратегий. Стратегия политической коммуникации — одна из основных частей профессиональной деятельности любого политика, от нее зависит его имидж и эффективность проводимых им переговоров и публичных выступлений. На выбор стратегии политической коммуникации влияют личностные качества политика и его жизненный опыт. От выбора коммуникационной стратегии будет зависеть то, как данный политик воспринимается на политической арене, и на какие действия он готов. Кроме того, возрастающая роль политической коммуникации в современном обществе позволила ей занять особую нишу в современной политической науке, сочетающей в себе множество дисциплин.

В рамках данного исследования рассматриваются и анализируются особенности политических стратегий и моделей коммуникации Президента Российской Федерации В. Путина и Президента США Д. Трампа, а также факторы, влияющие на выбор этих моделей.

Д. Трампа часто характеризуют как политика-бизнесмена. Он первый президент США в XXI веке, обладающий объемным «бизнес-бэкграундом». То есть, он — в первую очередь, бизнесмен. Д. Трамп ведет себя так, как будто он — человек, для которого нет ничего невозможного.

Его бизнес подход к жизни накладывает отпечаток на его политические решения и коммуникацию.

Вся биография Д. Трампа — цепь не только взлетов, но и оглушительных падений. Он пережил три банкротства. Неслучайно, что в автобиографических заметках Д. Трамп уделяет этим поражениям много внимания, особенно часто повторяя слово «выживание». Для его картины мира это очень характерно — он «выживает», борется с бесчисленными противниками за свое «место под солнцем». «Выживание» — это смысл его существования. С этой точки зрения Д. Трамп сильно выделяется из ряда других западных лидеров. Никто из них не проходил через такое количество кризисов, через которое пришлось пройти американскому президенту. Если большинство европейских политиков выигрывают за счет грамотно проработанной стратегии, которая скрывает их недостатки, то Д. Трамп, наоборот, использует свои недостатки в качестве трамплина. В связи с этим конфликтная среда и кризисы являются вполне приемлемым рабочим пространством для Президента США. Даже в самой острой ситуации он не теряется и всегда способен принимать решения, недаром, получив президентское кресло, он любит повторять: «You're fired!»

Коммуникационная стратегия Д. Трампа в политике имеет ряд своих неповторимых особенностей. Во-первых, он установил прямую связь с избирателями: наиболее очевидным аспектом политической коммуникации Д. Трампа является его общение с использованием Twitter. Он довольно быстро пристрастился к социальной сети. Это помогает ему в какой-то мере избавиться от излишнего влияния СМИ. Предшественники Д. Трампа нуждались в том, чтобы пресса транслировала необходимые им сообщения, поэтому они уделяли внимание журналистам, даже вопреки негативному отношению прессы к ним. У Трампа нет прямой зависимости от средств массовой информации, которая была у его предшественников. Во-вторых, Д. Трамп не особо беспокоится о мнении экспертного сообщества и об 170 Гражданин. Выборы. Власть. № 2(12)/2019 истинности своих утверждений.

Предшественники Трампа прежде чем сделать какое-либо заявление, консультировались с экспертным сообществом, опасаясь того, что в противном случае они могут прослыть неквалифицированными политиками. Трамп не видит необходимости иметь в своем офисе даже небольшую часть экспертного сообщества. Эта практика показывает, что для многих избирателей мнение экспертов играет второстепенную роль.

Д. Трамп смог использовать ранее заработанную известность, чтобы обойти средства массовой информации и фильтр экспертного сообщества и напрямую обратиться к общественности. Оказывается, безразличие к экспертной оценке вполне допустимо в рамках современной политической коммуникации.

Д. Трамп — истинный бизнесмен, который принес в политику Соединенных Штатов свою непредсказуемую модель политической коммуникации. Он не стесняется резких заявлений или угроз, легко отрекается от своих слов.

Характеристика В. Путина как политика также имеет ряд своих особенностей. Президент России известен, как весьма жесткий переговорщик, способный последовательно отстаивать свою позицию перед оппонентами, и «сильный, эффективный и прагматичный лидер». В 2011 году он занял второе место в списке самых влиятельных людей мира по версии журнала *Forbes* (США).

По мнению многих экспертов, В. Путин — «самый раскрученный отечественный бренд». Именно с ним возникают первые ассоциации, когда упоминают о России в мире. За рубежом его считают непредсказуемым переговорщиком, сильным и изощренным тактиком, который добивается целей, переигрывая оппонентов. Считается, что основу тактики переговоров В. Путина заложила служба в разведке, которая формирует такие важные для переговорщика качества, как хладнокровие, осторожность, дальновидность, способность просчитывать ходы оппонента. Проблемной стороной подобной профессиональной социализации является склонность делить окружающих на «своих» и «чужих». На переговорах это трансформируется в стремление

создать сплоченную команду из «своих», но в то же время осложняет коммуникацию с партнерами, если они считаются «чужими». Российский Президент стремится создать «свою» команду, найти союзников, партнеров, как в большой политике, так и на переговорах. На переговорах В. Путин действует в команде, последовательно отстаивая свою точку зрения, находит нужные аргументы, помогающие превратить партнеров в союзников.

В настоящий момент остро-конкурентная политическая ситуация провоцирует политиков на жесткую переговорную игру. В таких условиях сдержанно-осмотрительный, а порой и достаточно жесткий личностный стиль В. Путина, подкрепленный колоссальным опытом политической коммуникации, помогает России решать сложные международные вопросы, последовательно отстаивать национальные интересы.

В рамках данной статьи сравнение коммуникативных стратегий

Д. Трампа и В. Путина проводится по трем критериям: коммуникация с избирателями, коммуникативные стратегии на дебатах и коммуникация с другими главами государств. Коммуникация с избирателями — одна из важнейших сторон коммуникативной политики каждого президента. В сравнении данного аспекта на примере американского и российского президентов каждый раз большую роль играет политическое устройство государства и его избирательные традиции.

У В. Путина существует официальный аккаунт в такой социальной сети, как «Twitter» и личный сайт «putin.kremlin.ru». Помимо этих средств, Путин довольно часто обращается к населению посредством проведения больших пресс-конференций, «прямых линий» и ежегодных посланий к Федеральному Собранию и населению, во время которых досконально вникает в каждый вопрос и проблему, при этом полностью открыт для своих избирателей и слушателей. Во время различных чрезвычайных ситуаций Президент России проводит личные встречи с населением и государственными служащими, берет под личный контроль наиболее серьезные происшествия. Коммуникация с населением — важное

направление в деятельности Президента России, которая занимает большую часть всех его встреч. Однако, как правило, они носят характер «решение проблем одного человека», лишены какой-либо предвыборной агитации.

Д. Трамп также имеет официальные аккаунты в социальных сетях «Twitter», «Facebook», «Instagram», которые он, в отличие от Президента России, ведет лично. Роль социальных сетей у Трампа намного выше, чем у Путина. На них держится немалая часть избирательной кампании Президента США и его коммуникация со своими гражданами и представителями других стран. В социальных сетях для Трампа основным направлением является коммуникация с избирателями, публикация официальных заявлений, ответы на некоторые вопросы.

Статус «поста» Д. Трампа в социальной сети — это официальное заявление президента, хотя мы не раз наблюдали, как Трамп с удивительной легкостью отказывался от своих заявлений. Во многом коммуникация в социальных сетях заменяет Президенту Америки личные встречи и пресс-конференции с гражданами. В рамках данного исследования не обнаружены примеры, которые показывали бы участие Президента США в жизни конкретной семьи или человека. Однако, встреч с избирателями и различных публичных выступлений у него больше, чем у В. Путина. Д. Трамп имеет оригинальную стратегию коммуникации с гражданами, которая имеет ряд своих особенностей, присущих только ему. Стратегия В. Путина — более «классическая», но также имеет свои характерные черты.

Коммуникативные стратегии на дебатах играют большую роль в формировании имиджа президента, создавая некое предварительное впечатление о его предпочитаемой стратегии общения. Поведение политика на дебатах может дать значительный объем информации о личных и профессиональных качествах политика. Так, большую роль в избирательной кампании 2016 года в Америке сыграли дебаты Д. Трампа и Х. Клинтон [6]. Поведение и модель коммуникации американского президента характеризуют его стратегию ведения политических дебатов. Трамп ведет

дебаты в характерной ему агрессивной манере. Как правило, он использует тактику оценочного комментария, главной задачей которого является захват коммуникативной инициативы. Д. Трампу свойственно нарушать регламент дебатов, перебивать соперника, использовать оскорбления — все эти приемы отлично прослеживались в рамках теледебатов Трампа и Клинтон. С точки зрения риторики, как, впрочем, и с точки зрения политологии, Д. Трамп — реакционер. Одна из главных задач его стратегии заключается в завоевании у аудитории статуса «своего парня». Стиль американского Президента постоянно предлагает зрителям и слушателям сделать выбор: «Вы со мной за новую великую Америку или с этим оппонентом?». Создание такого контрастного фона позволяет политику лучше донести свои идеи до аудитории, да еще и дискредитировать соперника. Для Трампа характерен прием повышенной громкости, который позволяет ему перехватить инициативу в диалоге и подавить оппонента.

Оценить коммуникацию В. Путина в рамках данного критерия крайне затруднительно, так как он всегда отказывался от участия в политических дебатах, ограничиваясь заочной полемикой. Участие В. Путина в дебатах 173 Пространство молодого ученого ограничивается форматом «вопрос — ответ» на конференциях. Один из самых ярких примеров подобного рода — прямой вопрос К. Собчак об оппозиции, который на ежегодной (традиционной) пресс-конференции был обращен непосредственно к Президенту России.

Речи В. Путина в рамках оппонированных заявлений насыщены метафорами и сравнениями. Он часто отсылается к прецедентам, сравнивая те или иные ситуации с похожими событиями в других странах. В. Путин, как и Д. Трамп, делает все возможное, чтобы захватить инициативу ведения дискуссии. Он не мешает выступать своим оппонентам, как это делает Трамп, но может позволить себе изредка перебивать оратора, вставляя реплики и даже колкости.

Основная его тактика — дискредитация оппонента, разгром его аргументов и представление своего видения решения данной проблемы.

Довольно часто В. Путин доводит до абсурда аргументы оппонента и переводит русло диалога на комфортное ему пространство. Как правило, ведение дебатов Президента России сводится к монологу, где он сам решает, о чем и как будет говорить. Отсутствие примеров открытых споров В. Путина и его оппонентов связано с занимаемой им должностью, однако является причиной для недовольства оппозиции и значительно осложняет анализ поведения В. Путина на ринге политических дебатов. Политико-коммуникационная стратегия политических лидеров с другими главами государств и высшими должностными лицами является политическим аспектом, значение которого трудно переоценить. Именно в этой коммуникации лучше всего просматриваются личностные качества и особенности политика.

Д. Трамп в большинстве случаев в переговорах с зарубежными лидерами придерживается тактики общения, которую он сам вывел по собственному опыту. Главный принцип его переговоров — вести дела только с равным себе, то есть с тем человеком, который действительно что-то решает. К переговорам на международном уровне Д. Трамп готовится по всем нормам стратегии ведения переговоров: его трудно обличить в незнании темы или недостаточности информации о собеседнике. Один из важнейших пунктов проведения переговоров — модель поведения, которую для себя выбирает политик. В своих книгах Д. Трамп говорит о том, как нужно вести себя на переговорах: «Преуменьшайте свои достоинства и достижения. В бизнесе никогда не следует уподобляться бульдозеру и действовать нахрапом». На практике вряд ли можно сказать, что Президент США следует своему принципу: Трамп — крайне эмоциональный человек и сдерживать себя, когда задета его гордость, ему крайне тяжело, что является большим минусом для переговорщика. Основным принципом переговоров для Президента США, который он вывел, еще будучи бизнесменом, выступает принцип консенсуса, предполагающий обоюдную победу сторон. Данная тактика — огромный плюс для проведения переговоров, и если Трамп будет

ее придерживаться, то она может способствовать разрешению многих конфликтов, в том числе и международных. Если на стиль ведения переговоров Д. Трамп влияет его бизнес-прошлое, то В. Путин — эталон дипломата в политике. Почти все мировые лидеры его признают одним из сильных переговорщиков на мировой политической арене. Президент России известен как жесткий собеседник, умеющий эффективно отстаивать национальные интересы. Это сильный, эффективный и прагматичный лидер. Главным компонентом личности В. Путина, влияющим на ведения им различного рода переговоров на высшем уровне, является устойчивое равновесие мотивов власти и достижения целей. При этом ни один из них не выступает в роли доминирующего фактора. Как правило, политики такого типа сочетают в себе умение сосредоточиться на исполнении деловых и профессиональных обязанностей с навыками ориентироваться в политическом процессе в целом и в переговорных перипетиях, в частности, и приспосабливаться к быстро меняющейся ситуации. Он не одержим властью, хотя, несомненно, осознает ответственность, которую из этой ответственности проистекает, и умеет употреблять властные ресурсы для достижения поставленных целей.

Президент В. Путин склонен сводить переговоры к теплому климату межличностных отношений. Он редко конфликтует и, с готовностью оказывая содействие, в том числе и оппонентам, стремится к спокойствию и стабильности в обществе. Одним из самых важных аспектов ведения переговоров является умение внимательно слушать собеседника. Этой тактикой В. Путин владеет в совершенстве. Он не перебивает собеседника, дает ему возможность полностью высказать свою точку зрения и аргументировать ее. Возможно, в большей степени именно этим умением он зарекомендовал себя как талантливый переговорщик. Важным является и тот факт, что он умеет не только слушать, но и делится информацией путем использования остроумных шуток, которые заставляют обратить внимания на его высказывания и позволяют брать инициативу переговоров в свои руки

[10]. Стоит добавить, что в своих выступлениях В. Путин любит импровизировать, отвечать оппонентам острым словом, но никогда не оставит оскорбление или сарказм без ответа. В этом случае он может использовать острые фразы, быстро ставящие оппонента на место. Достаточно вспомнить его ответ американскому президенту Б. Обаме, по словам которого, в российско-американских отношениях «Путин одной ногой опирается на старые принципы ведения дел, а другой — на новые». На эту реплику В. Путин ответил: «Что касается стоять одной ногой в прошлом, а другой впереди, у нас в народе есть такое не очень литературное слово: мы враскорячку не умеем стоять. Мы твердо стоим на ногах и всегда смотрим в будущее. Это особенность России».

Главными характеристиками В. Путина как переговорщика являются развитое чувство реальности, настойчивость в достижении цели, способность делать равнозначные уступки, находить компромисс, принимать решения и брать на себя ответственность за них. Среди характеристик, положительно влияющих на его способности переговорщика, выделяются: образованность, остроумие, владение иностранными языками, сдержанность, способность взвешивать свои суждения и точно формулировать мысли. Роль В. Путина на переговорах можно обозначить понятиями «решатель задач» и «эффективный коммуникатор».

Таким образом, в политико-коммуникационных стратегиях В. Путина и Д. Трампа присутствуют и схожие черты. Это может способствовать становлению конструктивной коммуникации между двумя президентами, а, следовательно, и решению международных проблем. Однако оба политика — сильные лидеры с устоявшимися взглядами, твердо защищающие интересы своих стран, поэтому для налаживания коммуникации лидерам необходимо большее количество личных встреч, на которых они бы смогли наладить личную коммуникацию, и на основе этого разрешить противоречия между странами.